

Шаваев А.Г.

КУРОПАТКИН

СУДЬБА ОБОЛГАННОГО ГЕНЕРАЛА

издание 2-е, дополненное и исправленное

Москва, 2024

Андрей Шаваев

**Куропаткин. Судьба
оболганного генерала**

«Aegitas»

2024

УДК 355.40
ББК 68.681(2)

Шаваев А. Г.

Куропаткин. Судьба оболганного генерала / А. Г. Шаваев —
«Aegitas», 2024

ISBN 978-0-3694-1150-1

В книге представлена биография Алексея Николаевича Куропаткина – участника присоединения к Российской империи Средней Азии, русско-турецкой, русско-японской и Первой мировой войн, георгиевского кавалера, разведчика, дипломата, ученого, военного министра, создателя отечественной военной контрразведки, человека непрерывного действия и созидания, направленных во имя Родины и русского народа. На основе исследования архивных, научных и публицистических источников автор воссоздал подлинный многогранный облик боевого офицера и патриота России в контексте глобальных исторических событий XIX–XX веков.

УДК 355.40
ББК 68.681(2)

ISBN 978-0-3694-1150-1

© Шаваев А. Г., 2024
© Aegitas, 2024

Содержание

Пролог	6
Часть I	15
Глава 1. Кадетство и юнкерство	15
Глава 2. Желтые пески Туркестана	31
Глава 3. Академия генерального штаба	45
Глава 4. Разведывательная миссия	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Андрей Шаваев

Куропаткин. Судьба оболганного генерала

Борьба только начинается.

А. Н. Куропаткин «Задачи русской армии»

Там за окном, сказка с несчастливym концом.

В. Р. Цой «Сказка»

© Издательство «Aegitas», 2024

© Шаваев Андрей Гургенович, 2024

eISBN 978-0-3694-1150-1

Все права защищены. Охраняется законом РФ об авторском праве. Никакая часть электронного экземпляра этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

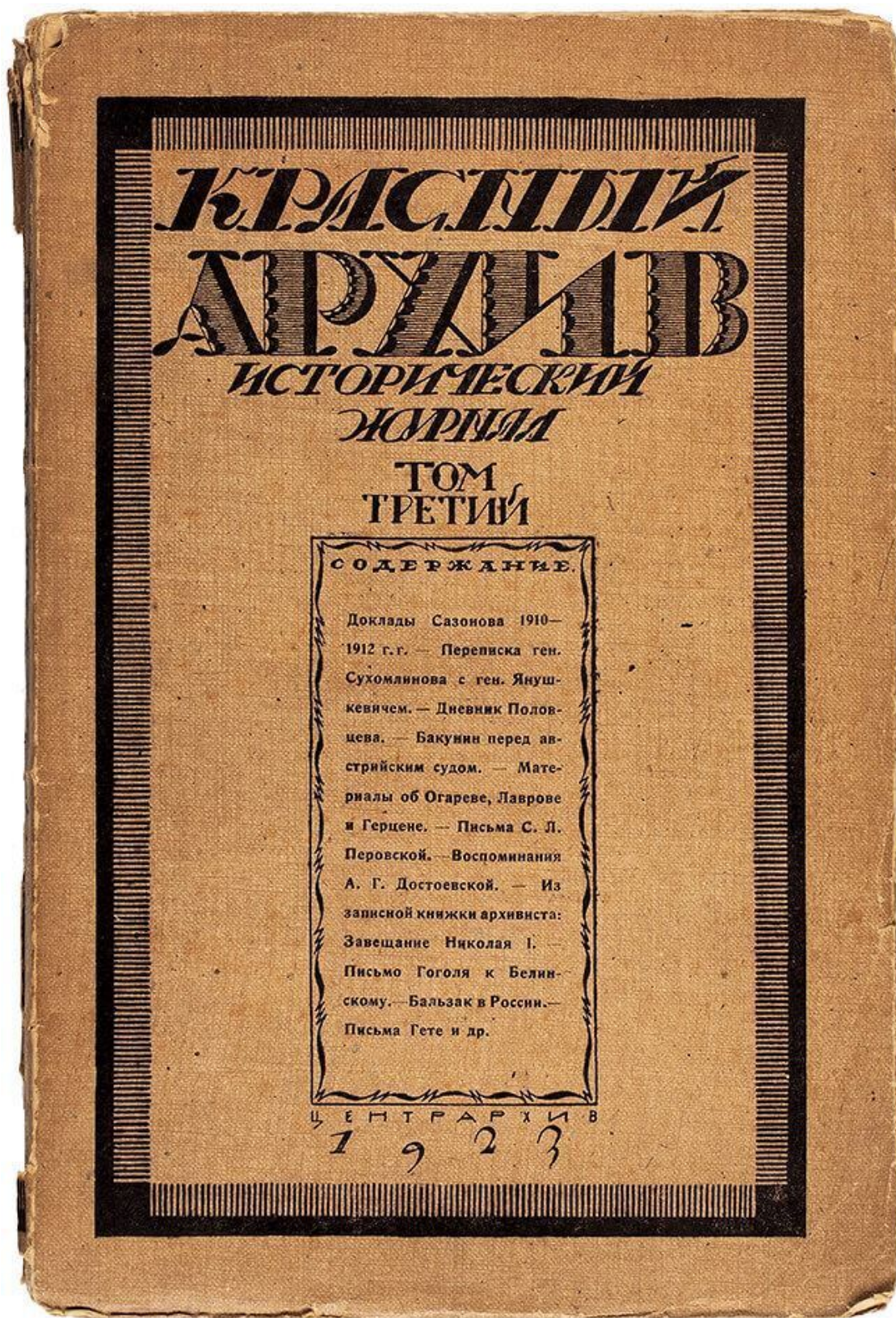
ЛЕГЕНДА О СМЕРТИ

Мерцательный, с дрожью, словно покрытый пупырышками эпидермис, перманентный трепет правящей элиты любой новообразованной формации перед истово бьющими челом, но при этом всегда готовыми при подходящем случае продать, предать и поплясать на костях поверженных кумиров теми, кто обетно именуется себя ВЕРНОПОДДАННЫМИ, а еще больше – смертельная боязнь быть проклятыми в летописях неблагодарными потомками, рождает, подобно мучительной жажде в бесконечной, наполненной радужными миражами, но не знающей успокоительных оазисов историко-политической пустыне, потребность такой интерпретации прошлого, которая смогла бы помочь сиюминутным властителям полностью оправдать свою безоговорочную правоту в искусственно созданном, а потому – кажущемся блистательным настоящим и замураванном прошлом.

В 1922 году, в канун пятилетия Октябрьской эсэро-большевистской революции, Центральным архивом РСФСР анонсирован выход в свет научно-исторического журнала «Красный архив». Редакция нового издания интригуяще провозгласила, что девизом «Красного архива» мог бы стать разоблачительный афоризм: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы впоследствии явным».

Процесс раскрытия сокровенных тайн прошлого оказался политически мотивированным, пристрастно избирательным и точно направленным.

Во втором номере журнала редколлегия «Красного архива» представила «Дневник А.Н. Куропаткина», обнаруженный в «московском архиве военного ведомства (Лефортовском)». Дневниковые записи бывший военный министр Российской империи и главнокомандующий всеми силами армии и флота во время Русско-японской войны 1904–1905 годов лично передал в архив на хранение перед своим отъездом на фронт Первой мировой войны осенью 1915 года. Решение генерала Куропаткина, на длительное время, а возможно, и навсегда покидающего родовое имение и в очередной раз вручающего свою судьбу слепому жребию неизвестности и непредсказуемости войны, выглядело продуманным, взвешенным и в тех условиях наиболее оптимальным, так как проживал некогда всемогущий военачальник не в глубинке российской, а в почти приграничной Псковской губернии, в каких-то трех сотнях километров от линии фронта. И в случае продолжения удачного наступления германской армии на восток ценнейшие и, в отдельных эпизодах, секретные исторические записки обладателя сокровенных тайн романовской монархии вполне могли попасть в руки сотрудников неприятельских спецслужб.

Обложка журнала «Красный архив»

В предисловии к публикации заместитель наркома просвещения, видный коммунистический историк М.Н. Покровский, об авторе дневников, которого высокопоставленный чиновник большевистского правительства именуется не иначе как «преданным холопом», сообщает следующее: «Бывший начальник штаба Скобелева, видевший своими глазами больше «воен-

ных действий”, чем какой-либо другой русский генерал нашей эпохи, кончил жизнь для такой карьеры весьма прозаически: был убит бандитами на своей родине, где он скромно подвизался после 1917 года в качестве сельского учителя».

Родился Алексей Николаевич Куропаткин в городе Витебске, его отец преподавал в расположенном неподалеку Полоцком кадетском корпусе. Но в Витебске после переезда к новому месту службы отца в Санкт-Петербург А. Н. Куропаткин больше никогда не проживал. Очевидно, историк Покровский имел в виду малую родину генерала – утопающее в густых лесах и дивных серо-голубых озерах село Шешурино Наговской волости Холмского уезда Псковской губернии, где располагалось скромное старинное поместье, принадлежавшее его матери. Именно там бывший военный министр окончательно поселился поздней осенью 1917 года после прихода к власти большевиков и эсеров и действительно, как утверждал Покровский, преподавал в сельскохозяйственной школе.

Однако легенда о трагической (в гуманистическом понимании интеллигентного большевика Покровского – «прозаической») гибели генерала от рук бандитов так и осталась скандальным вымыслом назначенного ленинской партией главой марксистской советской исторической школы и будущего действительного члена Академии наук СССР. На самом деле Алексей Николаевич Куропаткин скончался спустя два с лишним года после старта публикации его дневников в архивном журнале и сенсационного извещения о своей насильственной смерти – в январе 1925 года по причине воспаления легких.

Гроб с телом БАРИНА уже как шесть лет освобожденные навеки от господской, помещичьей зависимости псковские крестьяне, исключительно по своему почину, не по распоряжению, не из-за корысти, а руководствуясь велением сердца, сначала бережно отнесли на своих руках до скромной деревенской церквушки, где произошел православный обряд отпевания, а затем – рядышком, на маленькое местное кладбище, где и захоронили рядом с могилами родителей.

Легенды и выдумки о таинственной смерти царских генералов и чиновников всюду ходили по рухнувшей в пропасть России. Ведь страна с некогда свободной и независимой демократической прессой, насыщенной фактурными и достоверными событийными, хотя и не без ПУСТОТ, газетными новостными репортажами, оказалась разрушенной не только политически, экономически, финансово, культурно, нравственно, но и ИНФОРМАЦИОННО.

Как уж тут не появиться блуждающим фантасмагорическим слухам...

ПРЕДНАМЕРЕННОЕ ЗАБВЕНИЕ

Алексея Николаевича Куропаткина постигла не только смерть физическая, но и длительное историческое забвение. Если о нем и упоминали в научно-исторических исследованиях советской эпохи, то в подавляющем большинстве работ исключительно как виновника, и чуть ли не виновника самого главного, ответственного за «позорное поражение» прогнившей царской империи в Русско-японской войне 1904–1905 годов.

Поражения, которого генерал Куропаткин и миллионная русская сухопутная армия под его командованием на самом деле НЕ ПОТЕРПЕЛИ.

Если вспоминали еще, то, как главнокомандующего армиями Северного фронта Первой мировой войны, проявившего «инертность» и «пассивность» во время обросшего невероятными историческими мифами и восторженными дилетантскими фантазиями военных репортеров и панегириками поверхностных историков Луцкого прорыва Юго-Западного фронта в 1916 году, обошедшегося, между прочим, многострадальной России-матушке в сотни тысяч ничем не оправданных, кроме необузданных амбиций полководца-кавалериста Брусилова, человеческих жертв.

Еще вспоминали как организатора подавления «национально-освободительного восстания против царизма» в Средней Азии в 1916–1917 годах.

Если упоминали положительно, то только походя, невзначай, как расторопного военного хозяйственника и администратора, соратника brutального «белого генерала» Скобелева, но с неизменной оговоркой: Куропаткин являл собой тип безвольного, нерешительного подчиненного, могущего только слепо исполнять чужую волю, несостоявшегося командира-единоначальника, патологически неспособного к принятию самостоятельных решений и доведению до логического завершения запланированных штабом боевых действий на войне.

Артур Шопенгауэр в работе «О критике, суждении, одобрении и славе» отмечал:

«Измеряя гения, не следует целью опустить масштаб ниже и брать в расчет неудавшиеся его произведения или слабейшие творения; мерилom для него должно служить только то, что превосходно, ибо слабость и превратность даже в умственной сфере так присущи человеческой натуре, что даже самый блистательный ум не во всем и не всегда от них свободен. Вследствие этого значительные недостатки и ошибки встречаются в творчестве даже величайших людей. Напротив, отличие гения и должно служить ему мерилom, то есть та высота, до которой он при благоприятном сочетании настроения и времени успел подняться и которая вечно останется недостижимой для обыкновенных талантов».

Высота военного, административного и научного, интеллектуального таланта Алексея Николаевича Куропаткина, уровень его панорамного мышления на протяжении вот уже более века остается недостижимой для многочисленных главнокомандующих и министров, тем более – маршалов и генералов, профессоров и академиков от армии и военного искусства.

Именно в этом одна из загадок намеренного уничижительного забвения русского генерала и аморального культивирования неблагодарной памяти о нем – банальная зависть и непонимание истинного грандиозного МАСШТАБА личности военачальника, стратегического предвидения полководца, всесторонней эрудиции, компетентности и подавляющего интеллекта профессора, организованности генштабиста, моторной работоспособности военно-политического аналитика, прогнозиста и теоретика.

ИСЧЕЗНУВШИЕ ДНЕВНИКИ

Генерал Куропаткин – не просто знаковая ФИГУРА эпохи поступательного развития и обвального крушения трехсотлетней Российской романовской империи, вдруг, в мгновение ока, оказавшейся ранней весной 1917 года не монолитом, но карточным домиком, колоссом на глиняных ногах; он не только ее военный министр, но еще и руководитель всегда боевых, не знающих перекура, отбоя и привала структур военной РАЗВЕДКИ и военной КОНТРРАЗВЕДКИ.

Куропаткин, что особенно важно, еще и «допущенный к столу» российского императора непосредственный СВИДЕТЕЛЬ и участник тектонических исторических событий, их вершитель, наделенный подлинным знанием закулисной подоплеки придворных интриг, тайного дипломатического размена геополитических и экономических интересов между Востоком и Западом, островами и континентом, зарождающимися атлантистами и сформировавшимися евразийцами, коалициями ДЕРЖАВ, финансовыми и промышленными транснациональными корпорациями, приумножения миллионных капиталов в результате заранее оговоренного между СВОИМИ реагирования или бездействия в определенный период времени, многоходового манипулирования властными группировками, а следовательно, и ОБЛАДАТЕЛЬ солидного объема компромата на всех, кто так или иначе ЗАМАЗАЛСЯ, соприкоснувшись с высшей властью.

Подобного рода ЗНАНИЕ, пусть даже ОТРЫВОЧНОЕ, не системное и не систематизированное, обременительно и смертельно опасно для его носителя и тревожно и страшно для

тех, кто достоверно знает о том, что носитель такого УРОВНЯ и ОБЪЕМА информации никем не АНГАЖИРОВАН, никому персонально, после казни последнего монарха, вновь не присягнул на верность и ни от кого не ВЗЯЛ деньги за молчание.

На протяжении всей своей жизни Куропаткин писал дневники. Старался писать практически еженедельно, насколько позволяли время и обстоятельства.

Позднее, в бытность военным министром, привычка оставлять письменные СЛЕДЫ сыграет с ним злую шутку и во многом станет сокрытой от непосвященных в святая святых придворной кухни наблюдателей причиной отставки с правительственной должности, отлучения от царскосельского двора и удаления из столицы.

В дневниках кадета и юнкера, слушателя Николаевской Академии генерального штаба – описание характерного только для армейских училищ, распланированного не по дням и часам, а по минутам уникального совмещения повседневной учебы, воспитательного процесса, казарменного быта, отдания должного внимания православной культуре, жизни и службы, полевых тактических занятий, учебных стрельб и штыковых атак, спортивного бега и гимнастики, парадной муштры на строевом плацу, вольтижировки в кавалерийском манеже, ночного бдения в нарядах и караулах, изнурительных марш-бросков, борьбы с вечным желанием вдоволь поесть и выспаться, ежедневной самоподготовки, сдачи экзаменов и зачетов и, конечно, неброские, емкие, фактурные характеристики офицеров-воспитателей, преподавателей специальных военных и общеобразовательных дисциплин, общих друзей-сокурсников.

В дневниках строевого и боевого армейского пехотного офицера – подробные свидетельства рутинной провинциальной гарнизонной службы, бытовые картины, от мелких житейских неурядиц и нужд нижних чинов до повседневных хозяйственных забот офицерского состава, описание смачных эпизодов войн, боев и походов, эмоциональные личные впечатления, легкие, непритязательные зарисовки портретов сослуживцев, созерцательные размышления, правда, еще весьма и очень далекие от философского суммирования и закономерно обобщающего подведения итогов тех или иных событий.

Но самое интересное – это дневники Куропаткина в его бытность военным министром.

Там именно то, что во все времена является тайной из тайн за семью печатями: теневая подоплека, скрытый механизм или абсурдное отсутствие такового при принятии судьбоносных для страны политических и экономических решений; парадоксальные на первый взгляд АЛЬЯНСЫ; загадочные и труднообъяснимые финансовые транзакции; лоббизм; перехлест интересов около властных группировок; интимные тайны династии и близкого круга СЕМЬИ; сепаратные переговоры и секретные соглашения; обмен равнозначных для противоборствующих группировок или запрограммировано обреченных на заклятие ФИГУР; ОБЯЗАТЕЛЬСТВА на долгие годы и алгоритм их соблюдения; предпочтения; неписанные штрафные санкции и ГАРАНТИИ...

Гарантии сохранения в тайне существа долгосрочных и временных договоренностей, гарантии неразглашения нежелательной информации, гарантии невмешательства во внутренние дела, личные гарантии спокойной и обеспеченной жизни до конца дней...

Как утверждает историк Покровский, значительная часть ПОДЛИННИКОВ дневников Куропаткина, которые он вел, занимая кресло военного министра в величественном Доме напротив Адмиралтейства, где, как описывал Пушкин: «С подъятой лапой, как живые, стояли львы сторожевые», из московского военно-исторического архива исчезла. Остались лишь выборочные печатные КОПИИ.

Покровский упоминает о дневниках Куропаткина следующее: «В январе 1918 года в архив явился бывший член Военного совета генерал Нищенков, снабженный соответствующими полномочиями от военных властей, и увез из куропаткинских бумаг только дневник. Все прочее осталось в неприкосновенности: дневник исчез неизвестно куда. Сколько мы знаем, не найден он и там, где находился Куропаткин в последние месяцы своей жизни».

Здание военно-исторического архива

Интересен не только факт исчезновения дневников из архива, а подтверждение того, что их действительно искали, и искали весьма усердно.

Искал и, по утверждению Покровского, нашел генерал от артиллерии Аркадий Никанорович Нищенков – участник Русско-турецкой и Русско-японской войн, причем в Маньчжурии он исполнял должность начальника артиллерии армейского корпуса, то есть был в то время подчиненным Алексея Николаевича.

После февральского переворота и свержения монархии вместе с Куропаткиным в течение лета – осени 1917 года Нищенков состоял в Александровском комитете о раненых – благотворительной организации Российской империи, занимавшейся оказанием помощи военнослужащим-инвалидам, а также семьям погибших или умерших от ран офицеров. Таким образом, Нищенков и Куропаткин были достаточно давно и хорошо знакомы; весьма вероятно, что Куропаткин доверительно мог рассказать Нищенкову о дневниках и попросить забрать их, вернуть законному владельцу или передать кому-то...

Единственная нестыковка с данными Покровского – в конце 1917 года генерал Нищенков уехал из революционного Петрограда на юг России, где принял живое и активное участие в Белом движении. Таким образом, изъять дневники Куропаткина из военного архива в январе 1918 года, обладая некими «полномочиями от военных властей», он никак не мог, если только не овладел на какое-то время мистическим искусством стремительного перемещения во времени и пространстве. Или, смертельно рискуя жизнью, все-таки непостижимым образом перебрался с «белого» Юга в «красную» Москву и, воспользовавшись неразберихой первых дней советской власти, ценные архивные документы заполучил.

А.Н. Нищенков

Искали дневники, но не нашли уполномоченные представители новой власти. Обратим внимание на следующее утверждение Покровского – «не найден он и там, где находился Куропаткин в последние месяцы свой жизни».

Эти слова историком Покровским написаны в 1922 году. Между тем, согласно официальным источникам, Куропаткин скончался в январе 1925 года, то есть спустя два года после утверждения Покровского о факте насильственной смерти генерала. Известно, что после возвращения из Туркестана Куропаткин с осени 1917 года практически безвыездно проживал в

своем шешурином имении. Если логически следовать информации государственного чиновника – заместителя наркома просвещения, коим являлся Покровский, то дневники безрезультатно искали в усадьбе у Куропаткина до публикации их копий в «Красном архиве», то есть до 1922 года.

Значит, искали еще при жизни Куропаткина.

Кто мог искать?

В те годы искать документы дома у бывшего царского военного министра могло только одно ведомство – ВЧК и только посредством единственного известного чекистам способа что-то искать дома у живого хозяина – ОБЫСКА. Обыска открытого, процессуально оформленного, по ордеру, с понятыми и протоколом, либо обыска тайного, негласного...

Обыскивали особняк и усадьбу и не нашли бумаги?

Или проинформировали замнаркома просвещения и видного марксистского историка товарища Покровского о том, что «не нашли», а на самом деле...

Все могло быть, если в дневниках обнаружили именно ту информацию, которую так настойчиво искали.

А может быть, действительно прав Покровский, говоря о том, что Нищенкову все-таки удалось добыть наиболее важные документы Куропаткина из военного архива?

Подтвердить версию Покровского, наверное, смог бы сам подозреваемый в похищении дневников, может быть, даже и на очной ставке с Куропаткиным, но, увы, после поражения белых армий непримиримый противник советской власти царский генерал, золотопогонник Нищенков в 1920 году окончательно и безвозвратно покинул Отечество и эмигрировал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев.

Так или иначе, оригиналы самых значимых дневниковых записей Куропаткина, по версии Покровского, пропали безвозвратно. Вариантов исчезновения подлинников дневников и их дальнейшей судьбы несколько, и каждый из них вполне реален.

Бумаги мог увезти с собой в эмиграцию Нищенков.

Он же мог после изъятия из архива передать записки самому Куропаткину по его просьбе.

Запросто могли достичь успеха в розыске искомым документов подчиненные Дзержинского, и дневники, после их тщательного штудирования, вполне вероятно, были использованы в агентурно-оперативной работе по высшему эшелону антисоветской белой эмиграции, а затем сданы на вечное хранение в спецхран, откуда никому и никогда выдачи нет, не было и НЕ БУДЕТ.

В конце концов, дневники могли быть просто безвозвратно утрачены в суматохе и сумятице Гражданской войны.

И эта преднамеренно запутанная, откровенно детективная история с вбросом информации о вероятном похищении и исчезновении дневников царского министра только подогревает интерес и к личности Куропаткина, и к той перевернувшей всё с ног на голову, застыло-тревожной, на десятилетия беспокойной, перманентно калейдоскопической в ее трагическом, кровавом орнаменте эпохи разнузданности и торжества пришедших на поле политической брани МАРОДЕРОВ, циничном ПОПРАНИИ права, общественной морали и нравственности и грубой, по-живому перекройки истории Отечества на свой лад.

Загадки, тайны и последствия так и не решенных до конца международных и внутренних проблем существования государства Российского, исторических периодов, в которых появился на свет, жил, служил и умирал русский кадет и генерал Алексей Николаевич Куропаткин, имеют прямое и непосредственное отношение к насущным и животрепещущим проблемам России настоящей.

Болею века назад, в далеком 1910 году в книге «Задачи русской армии» Алексей Николаевич Куропаткин твердой недрогнувшей рукой осознанно и осмысленно напишет такие слова: «Борьба только начинается».

Через сто пятнадцать лет после провозглашенного Куропаткиным лозунга-девиза не изменилось НИЧЕГО – спокойствия внутри страны и ее международном окружении как не было, так и нет, борьба за государственную устойчивость России и свободное и независимое существование многомиллионного сообщества наций, столетиями гордо именующего себя как русский народ, **ВЫНУЖДЕННО** продолжается.

Часть I

Старательный провинциал

Глава 1. Кадетство и юнкерство

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ И СЕМЬЯ

В судьбе человека главными и определяющими являются два ключевых фактора – семья и среда общения. С родителями, семьей и средой общения в период становления как личности Алексею Николаевичу Куропаткину несказанно повезло.

У кадрового военного в императорской России, как правило, не было постоянного, обустроенного раз и навсегда угла, стабильного места пребывания, наполненного семейным уютом, с размеренным, заведенным раз и навсегда неторопливым бытом, где все житейские проблемы запрограммированы заранее на годы вперед и решаются постепенно и последовательно, без внезапных вводных, связанных с изменением **БОЕВОЙ И ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ**, а, следовательно, и жизненных обстоятельств. Нормой для армейского офицера, его жены и детей считалась кочевая жизнь с периодическими переездами к новому месту службы, которых за карьеру могло набраться с десятков. Своего собственного, личного жилья нет, приходится перебиваться съемными комнатами, в лучшем случае – переменными служебными квартирами, нередко затрачивая на проживание немалые деньги из скудного офицерского жалованья.

Одним словом, временщики, зачастую не обремененные неподъемным домашним скрабом.

Семье скромного, не высоких чинов офицера Николая Емельяновича Куропаткина повезло больше, чем другим: в его послужном списке значатся только располагавшаяся в западных губерниях Российской империи рота топографов Военно-топографического депо при военном министре, Полоцкий и Первый Санкт-Петербургский кадетские корпуса.

Алексей Николаевич Куропаткин появился на свет в Витебске 17 марта 1848 года, крещен в Витебской Иоанно-Богословской церкви. В Полоцком кадетском корпусе преподавал топографию, геодезию и ситуацию его отец – Николай Емельянович, имевший на момент рождения сына Алексея – второго ребенка в семье, офицерский чин прапорщика.

Часть детства и периодические отпуска во время учебы и службы, пенсионная жизнь после отставки героя нашего повествования прочно связаны с селом Шешурино Наговской волости Холмского уезда Псковской губернии, где располагалось родовое имение его матери.

В запрытанной среди бескрайних, глухих лесов и прозрачных, с сероватым отливом озер далекой от столицы деревне у маленького, непритязательного к быту, не избалованного барчука жизнь шла так же, как и у тысяч ему подобных отпрысков мелкопоместных дворян с присущими характерными элементами обыденности существования провинциальных усадеб: забавы с крестьянскими детишками-сверстниками, походы в лес и на озера, купание, рыбалка, катание верхом на лошадях, сбор грибов и ягод, навеянные приключенческими романами Джеймса Фенимора Купера, игры в благородных индейцев, степенные обеды и вечерние чаепития, застольные разговоры взрослых, домашние театральные постановки, обязательное чтение книг и обстоятельный пересказ усвоенного из литературных произведений взрослым.

Маленький Алексей Куропаткин от природы характер имел живой и поведение весьма подвижное, в силу чего, даже не будучи перманентным «поджигателем обычного возбужде-

ния» и необузданным озорником, хлопот и беспокойства родителям и прислуге доставлял предостаточно.

Дед Алексея Николаевича, простой крестьянин Емельян Куропаткин, выходец из крепостных Екатеринославской губернии, дослужился за двадцать пять лет пребывания в строю до унтер-офицера.

В мае 1817 года у него родился сын Николай, определенный в школу военных топографов, по окончании которой с 1833 года служил в роте топографов Военно-топографического депо. Основная задача, стоящая в то время перед военными топографами, заключалась в создании на геодезической основе непрерывного крупномасштабного картографического изображения территории Российской империи. С середины 1830-х годов интенсивные астрономо-геодезические работы и тригонометрические съемки проводились в западных приграничных и близких к ним губерниях России, в том числе и Псковской. Там в 1845 году прапорщик Николай Куропаткин на одном из вечеров в Дворянском собрании познакомился с дочерью отставного морского офицера, капитана второго ранга Павла Петровича Арбузова – мелкопоместной дворянкой Наговской волости Холмского уезда Александрой Павловной.

Взаимная симпатия перешла в отношения, с самого начала принявшие серьезный характер, вскоре молодые люди вступили в законный брак.

Как наиболее подготовленного и грамотного специалиста в области геодезии и картографии, прапорщика Николая Куропаткина направляют в военно-учебные заведения: он преподает топографию, геодезию и ситуацию в Полоцком, а с 1852 года – в Первом Санкт-Петербургском кадетском корпусе.

Полоцкий Кадетский Корпус

Отец Алексея Николаевича Куропаткина зарекомендовал себя умелым наставником; вперед, отталкивая сослуживцев локтями, не лез, но и на месте не стоял, совершенствовался сам и непрерывно работал над улучшением методики образовательного процесса, более того – стал автором учебных пособий для воспитанников кадетского корпуса по топографии и геодезии. Должностные обязанности исполнял без сучка и задоринки, за многолетнюю безупречную и добросовестную службу в армии удостоен орденов Святой Анны и Святого Станислава III степени, бронзовой медалью «В память войны 1855–1856».

По службе продвигался не быстро, больших должностей и званий не снискал: чин подпоручика ему присвоен в 1849 году, поручика – в 1854-м, штабс-капитана – в возрасте 41 года в 1859 году.

В 1861 году Николай Емельянович Куропаткин, выслужив положенную по закону пенсию, вышел в отставку в чине капитана и, оставив казенную квартиру в Санкт-Петербурге, окончательно поселился с семьей в имении супруги в Шешурино.

Незаполненный деятельностью образ бытия не приветствовал, в лени и сытости не пребывал, сибаритству и обломовщине был чужд, вел активный и трезвый образ жизни, играя заметную роль в местном дворянском обществе. Некоторое время занимал должность мирового судьи, а затем уездным земским собранием удостоился избрания на пост председателя Холмской уездной управы – органа местного самоуправления. Главу управы в то время утверждал губернатор, в ведении уездной управы находились вопросы народного просвещения, здравоохранения, налогообложения, развития сельского хозяйства и содержания путей сообщения, имелся хоть и небольшой, но свой местный бюджет.

Преподаватель кадетского корпуса – это совершенно уникальная категория, особая косточка офицерского состава русской императорской армии. Кадетские корпуса представляли собой исключительные, отличные от других военно-учебные заведения с неподражаемым внутренним миром и специфическими взаимоотношениями между офицерами-воспитателями, педагогами и разно возрастными юношами-кадетами.

Там невозможно прослыть уважаемым преподавателем, если он являлся некомпетентным, безвольным и слабым, нетребовательным, не умеющим настоять на своем и в то же время не желающим понять и простить, потакающим всегда и во всем нередко дерзким и не воспринимающим ошибок других юным воспитанникам в погонах.

Но не могло быть и речи о другой крайности: совершенно неприемлемо вести себя с кадетами подобно откровенно казарменному хаму-держиморде. То, что считалось нормой во взаимоотношениях с нижними чинами, с солдатами и унтер-офицерами в строевых армейских подразделениях, с полным подавлением личности подчиненного, нередко сдобренного рукоприкладством и унижениями, – в кадетских корпусах категорически не проходило.

Авторитет и положительную репутацию завоевывали и удерживали только те офицеры-воспитатели и преподаватели, кто проявлял профессионализм и выдержку, умение грамотно подать и доходчиво донести до учеников специальный или общеобразовательный предмет, сочетать требовательность и индивидуальный подход, имел педагогические навыки и опыт воспитательной работы с осознанным пониманием того, что перед тобой не полуграмотная, безответная солдатская крестьянская масса в серых шинелях, не принявшие присягу на верность царю взрослые, сформировавшиеся физически и морально мужчины, а мальчики и юноши, дворяне, с еще с не окрепшей психикой, не сформировавшимся внутренним миром, будущие офицеры, которым через некоторое время придет черед самим воспитывать личным примером и вести за собой в бой сотни и тысячи людей.

Влияние отца на Алексея Николаевича было огромным – он привил старшему сыну системность в работе, сформировал выдержанный, твердый характер и ориентировал именно на тот стиль поведения в кадетской, юнкерской и офицерской среде, который позволил Куропаткину не стать белой вороной и четко следовать здоровым морально-нравственным нормам коллективизма и офицерской чести. Отец привил и любовь к чтению, бережному, почти пietetному отношению к книгам, именно отец положил начало семейной куропаткинской библиотеке, ставшей к началу XX века одним из лучших частных собраний в России по военной истории и военному искусству.

В семье Николая Емельяновича и Александры Павловны Куропаткиных воспитывалось восемь детей, что в то время в России считалось нормой, Алексей Николаевич стал вторым ребенком и старшим сыном.

Скромный оклад обыкновенного преподавателя кадетского корпуса особо шикавать и накапливать ИЗЛИШКИ впрок никак не позволял, фамильных драгоценностей не имелось, получение наследства от богатых родственников не предвиделось, в кредитную или ломбардную петлю не влезали принципиально, приданое супруги в виде шешуринского хозяйства баснословных прибылей не приносило – еле-еле сводили концы с концами, поэтому возможность обучения юного отпрыска с полным содержанием за счет казны выглядела весьма предпочтительно и позволяла существенно сократить расходную часть довольно скудного дворянского домашнего бюджета.

КАДЕТ

Благодаря хлопотам отца – влиятельного, пользующегося признанием у начальства и коллег преподавателя – в 1858 году, как сына офицера, прошедшего на действительной военной службе более десяти лет, Алексея Куропаткина, к его неумемному детскому восторгу, радости и гордости зачисляют в подготовительный класс Первого Санкт-Петербургского кадетского корпуса.

Идеально и всесторонне продуманная и надежно выстроенная даже в мельчайших деталях, где напрочь отсутствовали случайные элементы, многокомпонентная, объединенная ЕДИНЫМ ЗАМЫСЛОМ русская национальная концепция кадетского образования и воспитания образца середины XIX века четко вписывалась в стратегическую историческую ПЕРСПЕКТИВУ поступательного развития Российской империи, направленную на достижение абсолютной ГЕГЕМОНИИ на евразийском континенте.

Помимо определяющей всё и вся базисной экономической составляющей, стержневым хребтом империи являются ее сухопутная армия, военно-морской флот и спецслужбы – единственные структуры государственного механизма, способные как отразить внешнюю агрессию, так и успешно осуществить военное нападение во имя империи, подавляющим ИНТЕЛЛЕКТОМ, огнем и мечом реализуя задумки политиков по территориальной экспансии и проведению в отношении противника показательных акций влияния либо возмездия.

Армия, флот и спецслужбы нуждаются в регулярном пополнении УБЫЛИ командного, руководящего состава, постоянном, целенаправленном, системном и неиссякаемом воспроизводстве базового, системообразующего кадрового контингента, коим является ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС; тщательном отборе, обучении, воспитании однородной в классовом иерархическом понимании, безукоризненно управляемой и искусственно сформированной КАСТЫ беспрекословных исполнителей политической воли МОНАРХА; офицерской касты как основы УСТОЙЧИВОСТИ трона и военного МОГУЩЕСТВА империи; касты, скроенной по единым лекалам, с идентичными морально-волевыми и духовными качествами, одинаковыми поведенческими критериями оценки фактов, событий и явлений и адекватным реагированием на них в виде конкретных поступков; одинаковым мироощущением и миропониманием, образом масштабного и ситуативного мышления.

В основу кадетского образования в императорской России было поставлено ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ развитие будущих офицеров.

В 1848 году военное ведомство подготовило каталог книг, согласно которому следовало иметь в наличии и систематически пополнять библиотеки кадетских корпусов изданиями по различным отраслям знаний, как гуманитарным, так и физико-математическим и техническим. Списки литературы, рекомендованной для чтения кадетами, регулярно и тщательно обновлялись, в финансах, выделяемых на наполнение библиотек, недостатка не наблюдалось, могли экономить на чем угодно, только не на учебной и художественной литературе для будущих офицеров.

Ведущее место в каталоге и списках рекомендованных книг занимали издания военно-патриотического характера; произведения сомнительного свойства с малейшим намеком или подтекстом на критику государственного строя и православия в кадетские корпуса категорически не допускались.

Кроме того, по команде сверху был основан и успешно до 1863 года выходил «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» с разделами по изящной словесности, истории, наукам, в том числе и военным. Периодическое издание, в написании статей для которого принимали участие известные писатели и общественные деятели XIX века: П.А. Плетнев, М.Н. Талызин, И.П. Шульгин, Г.П. Данилевский, А.В. Висковатов, выходило два раза в месяц, и, по мнению находящихся в теме современников, «этот скромный журнал для юношества» был «лучше десяти других литературных журналов, издаваемых для публики; статьи в нем выбраны со вкусом, с умением и представляют все вместе полезное и разнообразное чтение».

Наверное, этот симбиоз педагогики и генетики является уникальным достижением акмеологии – каким образом, используя какие формы и методы, на основе каких методик с детско-юношеского возраста, веками, НА ПОТОКЕ, последовательно, по ступеням превращать мальчишек-дворян в элитную СТРАЖУ, стойких и бесстрашных охранителей и защитников самодержавия, причем осуществлять этот процесс исключительно на идейно-патриотической платформе, оставляя денежную и материальную составляющую служения Родине далеко за пределами долговременной поведенческой мотивации кадета, юнкера, офицера.

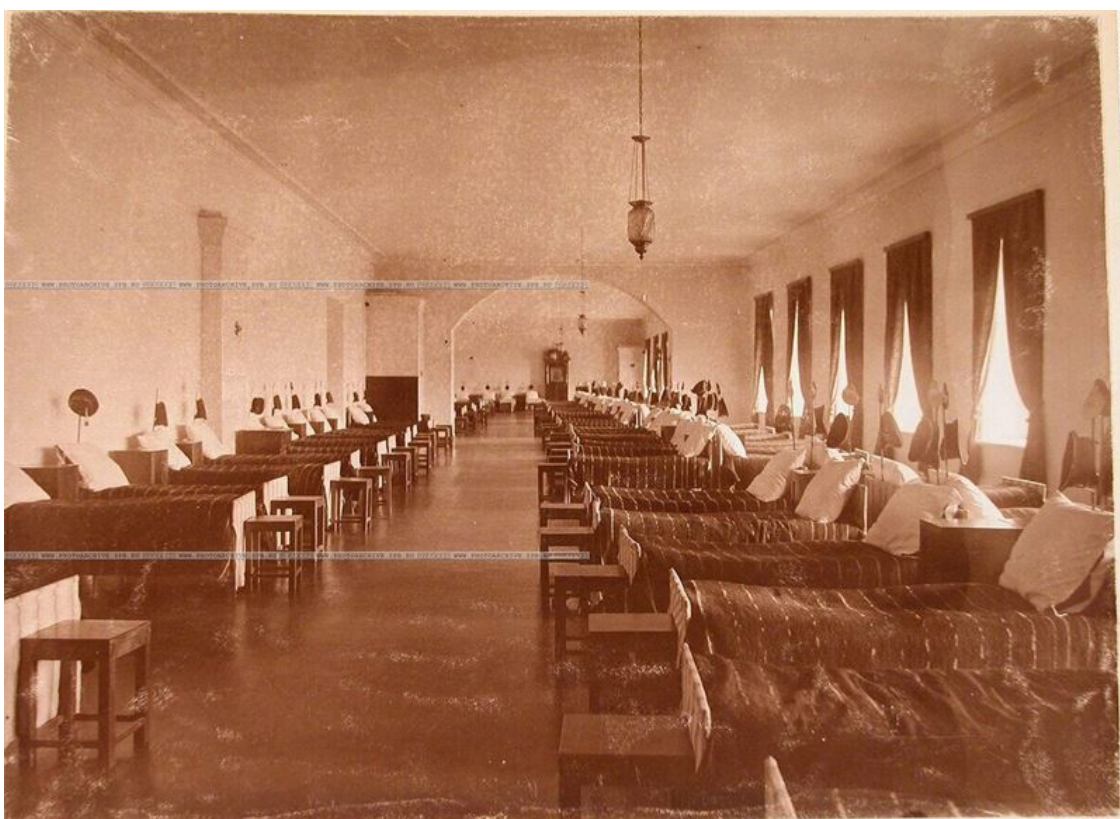
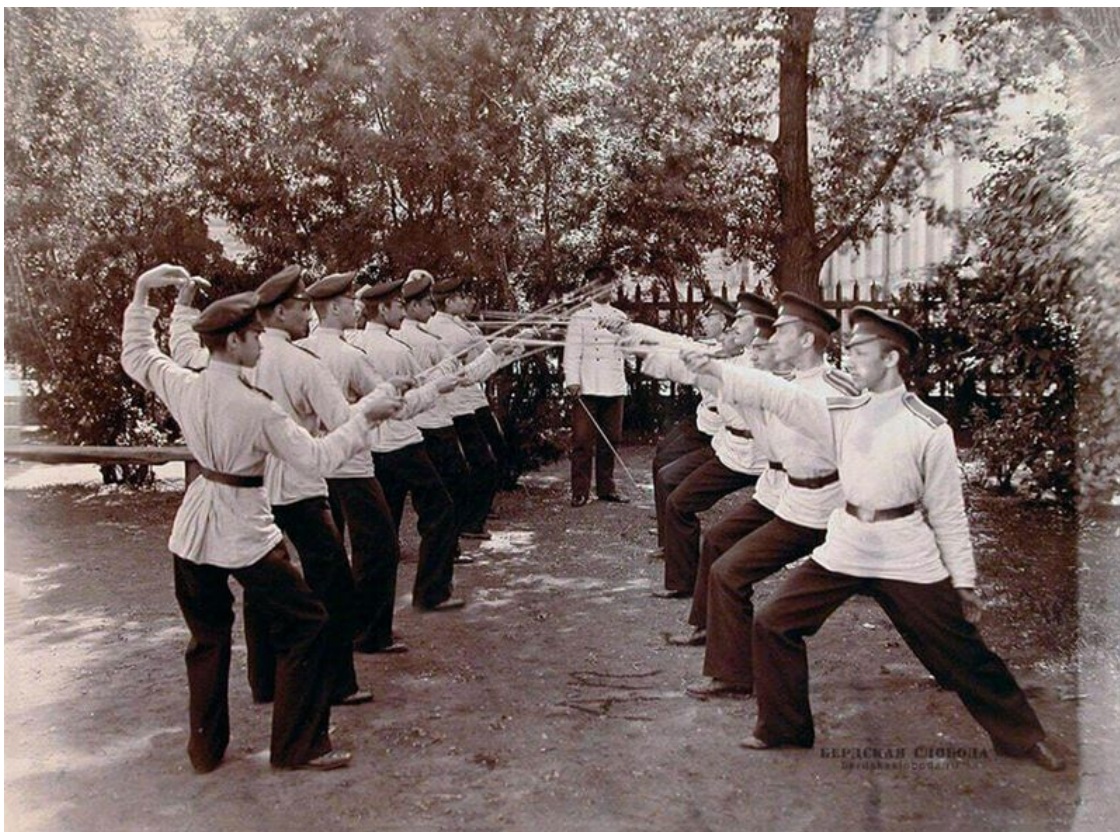
В 1848 году в Главном управлении военно-учебных заведений Военного министерства подготовили «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений», где сформулирована цель деятельности системы кадетского образования и воспитания в России: «... доставить юному военному дворянству приличное сему званию воспитание, дабы укрепить в воспитанниках сих правила благочестия и чистой нравственности и, обучив их всему, что предопределено для них в военном звании знать необходимо нужно, сделать их способными с пользой и честью служить Государю, и благосостояние всей жизни их основать на непоколебимой приверженности Престолу. Христианин, Верноподданный, Русский добрый сын, надежный товарищ, скромный образованный юноша, исполнительный, терпеливый и расторопный офицер – вот качества, с которыми воспитанники Военно-Учебных заведений должны переходить со школьной скамьи в ряды Императорской Армии с чистым желанием оплатить государю за его благодеяния честной службой, честной жизнью и честной смертью».

Первостепенное место в нравственном воспитании кадет принадлежало религиозному воспитанию, почитанию православной церкви, соблюдению христианских заповедей и обрядов, привитию любви к Богу, формированию чувства долга, почтительности к родителям. Более того, весь уклад жизни кадетских корпусов, распорядок дня были основаны с учетом православного календаря.

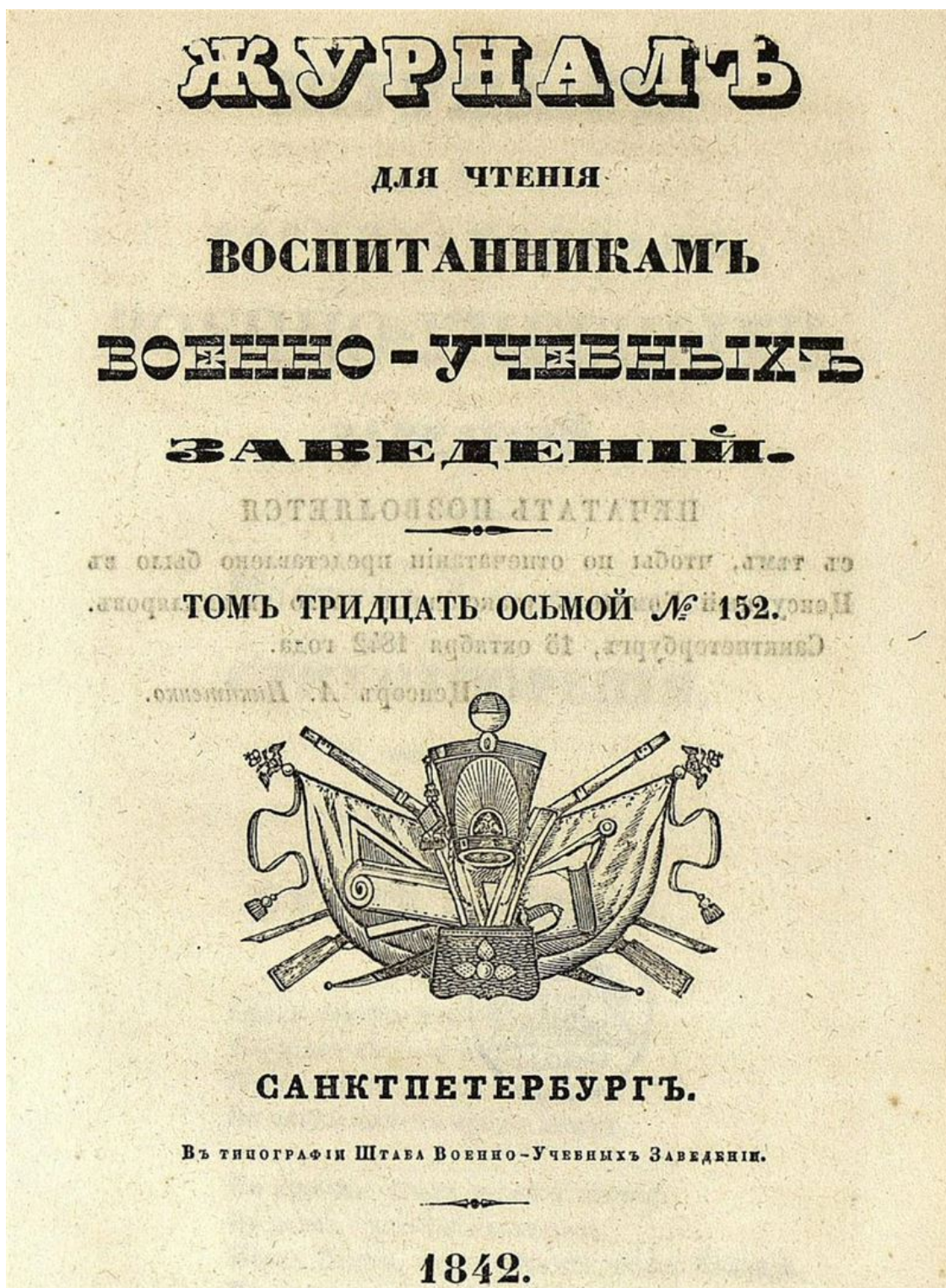
Первый кадетский корпус располагался в некогда принадлежащем сподвижнику Петра Великого, генералиссимусу и светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову дворце на Васильевском острове.

В образовательный и воспитательный процесс сознательно внедрялся принцип максимальной загрузки кадет – ни минуты свободного, бесконтрольного от офицеров-воспитателей или преподавателей времени. Особенное внимание было обращено на то, чтобы кадеты постоянно вели в заведении жизнь деятельную, но законную и правильную, получали доброкачественную пищу, исправную удобную одежду, по возможности длительное время пребывали на свежем воздухе и всегда содержались в строгой опрятности.

Первый Кадетский Корпус

Во время учебного года, продолжавшегося с середины августа до середины июня, распорядок дня для воспитанников был следующим: подъем в шесть утра, два завтрака – в семь и одиннадцать часов, обед – в четырнадцать и ужин в двадцать часов, после двадцати одного часа общий отбой. На классные занятия отводилось время с восьми до одиннадцати утра и с трех до шести часов дня, то есть всего шесть часов в день. Два с половиной часа выделялось на самостоятельную подготовку; на строевую подготовку, гимнастику и прогулки – от двух до трех часов.

На время летних каникул роты кадет старших классов непременно выводились в загородные полевые лагеря, где занимались первоначальной военной и строевой подготовкой, повторением пройденного за год учебного материала; малолетние слушатели отпускались домой к родителям. Поэтому летние месяцы первых лет учебы юный кадет Алексей Куропаткин неизменно проводил в родительском имении в Шешурино.

Объем общеобразовательных предметов был внушительным: Закон Божий, русский, немецкий и французский язык, чистописание, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, химия, физика, география, химия, всеобщая и отечественная история, механика, черчение, зоология, ботаника, минералогия, физиология, законоведение. Изучались первичные основы военных предметов – тактики, фортификации, артиллерии, топографии, геодезии и ситуации. Поощрялись занятия фехтованием, верховой ездой, танцами, пением, живописью.

Особое значение придавалось строевой подготовке: порядку воинского приветствия, движению строевым шагом, выполнению команд и передаче приказаний, нахождению в шеренгах и походных колоннах, соблюдению при этом равнения, интервалов и дистанций по фронту и в глубину, быстрым, четким и сноровистым действиям с оружием с элементами штыкового боя. В физической подготовке предпочтение отдавалось преимущественно гимнастике, чему способствовало оборудование специальными спортивными снарядами и лестницами залов для физических упражнений. Целью физического воспитания было «сбережение и подкрепление здоровья, развитие и усовершенствование телесной силы воспитанников, дабы сделать их способными к перенесению трудов военной жизни».

За основу формирования и развития морально-волевых и нравственных качеств кадет была взята теория ВОСПИТАНИЯ СРЕДОЙ. Общее направление воспитания основывалось «на любви к Богу, на благоговении к постановлениям святой церкви, на сыновней преданности престолу, на бескорыстной любви к Отечеству, на душевном сознании долга семейного и отечественного, военного и гражданского, и на современном состоянии наук в просвещенном мире».

Сущность кадетского воспитания – православие, честь, самопожертвование.

Мерами для поощрения воспитанников служили выдача похвальных листов и книг в подарок, помещение фамилий наиболее отличившихся в учебе кадет на красную доску, производство в ефрейторы, в младшие, старшие унтер-офицеры и в фельдфебели.

Смышленный, внимательный, усидчивый и настойчивый кадет Алексей Куропаткин учился отлично, сразу с первого курса попав в ряды лучших воспитанников, его средний годовой балл по всем предметам никогда не опускался ниже 10 при принятой в то время 12-балльной системе оценки знаний, за прилежание и успехи в освоении учебной программы ежегодно награждался похвальными листами и книгами с дарственными надписями. Энергичный и шустрый, образцовым поведением не отличался, но и никогда не слыл злостным нарушителем воинской дисциплины.

Поощрение лучших невозможно без применения мер дисциплинарного воздействия на нерадивых и оболтусов. Кроме обычных наказаний за неуспеваемость, принятых в общеобразовательных гимназиях, к воспитанникам кадетских корпусов применялись такие меры, как: временное снятие погон, помещение фамилии провинившегося на черную доску, надевание вместо положенной по форме одежды черной куртки серой, в крайних случаях назначались розги. При явной неэффективности использования всего комплекса дисциплинарных взысканий, безнадежно отстающие в учебе и регулярно демонстрирующие неудовлетворительное поведение «дурные кадеты» подлежали отчислению и переводились в батальоны военных кантонистов или же, по достижении зрелого возраста, назначались на службу нижними чинами в армейские части.

При корпусе существовал исторический музей с экспонатами и собраниями коллекций на военно-историческую тематику. Воспитанию чувства гордости за родной корпус и просла-

вивших его выпускников служили мраморные мемориальные доски: находившиеся в храме кадетского корпуса из камня черного цвета с именами и фамилиями воспитанников, погибших на поле боя и скончавшихся от полученных в сражениях ранений; расположенные в общем зале доски из белого мрамора с именами выпускников-георгиевских кавалеров и, установленная в музее, выполненная из серого мрамора панель с именами генералиссимуса Суворова, фельдмаршалов Румянцева, Каменского и Прозоровского.

Помимо традиций официальных, прописанных в наставлениях, приказах и прославляющих армию исторических трудах, существовали неписанные, но обязательные и неукоснительно соблюдаемые всеми поколениями воспитанников традиции, хранителями которых являлись кадеты старших курсов. Подчинение младших кадет старшим, но без явных унижений, издевательства и оскорблений, забота старших о младших, нерушимое товарищество, недоносительство, отрицание воровства у товарищей, КРУГОВАЯ ПОРУКА, ежегодное посвящение в кадеты – все это формировало особый кадетский дух и правила поведения в юношеской военной среде.

В мемуарах Куропаткин, вспоминая шестилетнее пребывание в кадетском корпусе, пишет: «...корпусная обстановка способствовала созданию любви к военной службе, созданию воинственности, презрению ко всему невоенному, упрочению духа товарищества».

В Алексея Николаевича Куропаткина и в тысячи других воспитанников за годы обучения в кадетском корпусе преподаватели и офицеры-воспитатели заложили интеллектуальные, морально-нравственные, волевые и физические базовые ОСНОВЫ для дальнейшей многолетней службы. Сформированная за годы учебы готовность преодолевать «ухабы жизни» позволила многим кадетам сделать достойную выдающуюся военную карьеру.

Из выпускников Первого кадетского корпуса 1864 года наибольшую известность, помимо Куропаткина, приобрели его товарищи-однокашники – Василий Соллогуб, Анатолий Стессель, Михаил Ляпунов и Дмитрий Масловский.

Василий Устинович Соллогуб большую часть службы проведет в структурах военной разведки, а 1896 году возглавит ее центральный аппарат, став, по представлению военного министра Ванновского, управляющим делами Военно-ученого комитета Главного штаба, в отставку выйдет в чине генерала от инфантерии.

Начальник Квантунского укрепленного района генерал-лейтенант Анатолий Стессель, кавалер орденов Святого Георгия 3-й и 4-й степени обретет печальную «славу» организатора позорной сдачи порта Дальний и крепости Порт-Артур во время Русско-японской войны.

Военный губернатор острова Сахалин, генерал-лейтенант Михаил Ляпунов в июле 1905 года отдаст приказ о прекращении сопротивления сахалинского гарнизона высадившейся на остров японской армии.

Дмитрий Федорович Масловский станет видным представителем отечественной школы исторической науки, крупным ученым, профессором и генерал-майором, создателем и начальником кафедры истории русского военного искусства Николаевской Академии генерального штаба, автором непревзойденных до настоящего времени по объему и качеству содержания, признанных классическими работ «Русская армия в Семилетнюю войну» и «Записки по истории военного искусства России 1683–1794 годов».

В 1864 году из Первого кадетского корпуса выпустились 127 человек, которых распределили примерно поровну в 1-е Павловское и 2-е Константиновское военные училища, Куропаткин попал в более престижное, опекаемое императорской фамилией, 1-е военное Павловское.

ЮНКЕР

В послужном списке Алексея Николаевича Куропаткина 19 июня 1864 года обозначено как дата вступления в военную службу. В этот день он стал юнкером Павловского военного училища. Впереди – более пяти десятилетий календарной службы.

В 1863 году начальником образованного Павловского военного училища назначен бывший директор Павловского кадетского корпуса генерал-майор Петр Семенович Ванновский. По свидетельству современников, «он принял это назначение в “эпоху великих реформ”, совершенно не соответствуя их духу складом своего характера и своих воззрений, сложившихся в Николаевское время. Но в сравнительно узких рамках своей деятельности он не проявил тогда резкого антагонизма с ними, оставаясь в пределах требований военной службы».

Составной частью «великих реформ» времен Александра II – ликвидации военных поселений и отмены крепостного права, непрерывно струившихся преобразований земских, судебных, цензурных, образовательных, финансовых и прочих – стали кардинально изменившие организационную структуру, облик оборонного ведомства, вооружение и систему подготовки русской сухопутной армии реформы военные, названные впоследствии «милютинскими» – по имени их разработчика, инициатора и активного проводника, военного министра. Одним из сомнительных нововведений Милютина стало расформирование всех кадетских корпусов и образование вместо них военных гимназий.

Павловское военное училище создано 16 сентября 1863 года из специальных классов Павловского кадетского корпуса и получило в свое распоряжение здания Первого кадетского корпуса, не избежавшего наряду с другими печальной участи преобразования в военную гимназию.

Военный министр Милютин считал: «В юнкерских училищах заключается будущность нашей армии. Если учреждение х удастся на практике, то армия будет обеспечена строевыми офицерами со степенью развития, достаточного собственно для служебных целей. Прочие военно-учебные заведения имеют другие цели, но поднятие нравственного и умственного уровня в массе офицеров мы должны ожидать именно от юнкерских училищ».

Цели военного воспитания в Павловском военном училище заключались:

- в глубоком укоренении чувства воинского и верноподданнического долга;
- в формировании честного, строго исполнительного и мужественного характера;
- в развитии и упрочении сознания о высоком значении воина, призванного к защите престола и отечества;
- в прочном усвоении воинской дисциплины и чинопочитания;
- в поддержании между юнкерами духа доброго товарищества, с должной в порядке службы подчиненностью к старшим из них по званию.

17 мая 1864 года император Александр II принял на себя звание Шефа училища. Просто так, одним росчерком пера уничтожить память о первом в России кадетском корпусе не дали – в приказе военного министра № 158 от 17.05.1864 года говорилось: «Дабы сохранить память о 1-м кадетском корпусе как о рассаднике военного образования в Отечестве, и предании, связанном с его именем, о доблестях военных начальников и государственных людей, проводших юность в этом заведении, придать Павловскому училищу название “1-го военного училища”».

5 июня 1864 года состоялось торжественное перенесение знамен – ранее переданное военному училищу знамя Павловского кадетского корпуса было отнесено на хранение в церковь училища. Знамя Первого кадетского корпуса вместе с мундиром императора Николая I стали символами воинской чести, доблести и славы 1-го военного Павловского училища.

Помимо выпускников кадетских корпусов Павловское юнкерское училище формировалось, по выражению одного из очевидцев этого события, и «из самых разнообразных элементов молодежи общества, охваченного либеральными идеями».

Прошедший кровавые испытания Венгерским походом 1849 года и Крымской войной, награжденный за храбрость орденом Святого Владимира IV степени с мечами генерал Ванновский, принимая под свое командование Павловское училище, прямо и сурово заявил новоиспеченным юнкерам: «Я вас заставлю уважать строй и выбью из головы все бредни, не отвечающие требованиям военной службы».

И действительно, он сразу дал училищу тон и направление, которые не смогли вытравить следовавшие за ним начальники, менее его умные и гораздо более слабые.

П.С. Ванновский

Основанием деятельности Ванновского стало неукоснительное соблюдение воинского долга и дисциплины. Идеальный пример исправности по службе и полной самоотдачи он стремился подавать сам, присутствуя по возможности на всех учебных занятиях юнкеров, постоянно обходя все казарменные и аудиторские помещения и проявляя всюду, особенно по строевой части, повышенную требовательность. К сожалению, последняя нередко омрачалась грубостью, как воспринятой им в той суровой служебной школе, которую он прошел в молодые свои годы, так и вытекавшей из вспыльчивости и несдержанности его характера.

«Ведь я собака, не правда ли, – признался он однажды одному из своих ближайших сотрудников по училищу, – я всех кусаю, никому дремать не даю, а потому и порядок такой, какого, может быть, ни у кого нет. Когда вы будете начальником, советую вам также быть собакой».

Порядок при СВИРЕПОМ Ванновском в училище действительно был образцовый, исключительно благодаря его неустанному и неусыпному контролю, надзору и беспощадной требовательности. Особенное значение он придавал своим приказам, в которых безжалостно наказывал, карал, а иногда и ернически высмеивал юнкеров, внушая им, что «будущему офицеру нарушать правила, теряться, а тем более лгать – непристойно».

Свои приказы он никогда не отменял, держась наполеоновского правила «*Ordre contre ordre est toujours desordre*» – «порядок против порядка – это всегда беспорядок», а в редких случаях, если в приказах была допущена ошибка, предпочитал лично извиняться перед незаслуженно обиженным.

Крайне недоверчивый и подозрительный, он трудно сближался с людьми, а как человек властный, и не искал этого, предпочитая, чтобы его больше боялись, чем любили. «Любовью своей, – говорил он, – кроме тех, кого я сам люблю (а таких немного), я вполне пренебрегаю; двигателями большинства служат только личный интерес и страх; вот я на этих струнах и играю».

И потому при нем из училища, при самых строгих его требованиях, было исключено юнкеров меньше, чем при его снисходительном преемнике – генерале Пригоровском, а к своим бывшим питомцам он всегда хранил и проявлял чувство сердечной привязанности, всячески им помогая и содействуя по службе.

Это на себе в полной мере прочувствует и Куропаткин, которого Ванновский в итоге ПРОТЯНЕТ аж до военного министра.

Изыскивая все меры для привлечения достойных офицеров и преподавателей на службу в училище, Ванновский постоянно заботился о сближении и единении между всеми членами учебно-воспитательного персонала заведения. Следует отметить также заботу Ванновского о подъеме значения строевого персонала и уравнивания его с персоналом учебным.

Цель эта была достигнута путем привлечения строевых офицеров к посещению аудиторий, классов и вечерних репетиций, ознакомления их с проходным в училище курсом и приказа помогать юнкерам в усвоении учебных программ. никоим образом не принимая на себя величественной роли руководителя научного образования юнкеров и предоставляя самостоятельность инспекторской части училища, Ванновский вместе с тем нередко давал советы по организации учебного процесса и делал меткие замечания, всегда дельные, обнаруживавшие простой и ясный ум. Зная массу людей из офицерского состава, умея понимать и принимать их, часто указывал подчиненным, кого следует пригласить преподавателем в училище, и его рекомендация всегда оправдывалась последующей положительной службой рекомендованного.

Безусловно, честный и лишенный личного корыстного интереса человек, генерал Ванновский проявлял большую заботливость по поводу качества приготавливаемой пищи и состояния здоровья юнкеров, а при выпуске их в офицеры неустанно хлопотал об их материальном благополучии.

Обучение было двухгодичным. Само собой разумеется, в училище, предназначенном для подготовки офицерского командного состава низового звена пехотных подразделений, преподавались преимущественно военные специальные предметы: тактика, артиллерия, фортификация, военная топография, военная история, военная администрация. Изучались Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, механика и химия. Первостепенное внимание уделялось строевой подготовке, отработке до автоматизма вопросов организации и несения гарнизонной и караульной службы. На летние месяцы училище в полном составе выходило в лагерь, располагавшиеся в Красном Селе, нормой являлись регулярные полевые учения с боевой стрельбой и непременно участие в плановых ежегодных маневрах войск Петербургского военного округа.

Куропаткин вспоминал:

«Внутренний уклад жизни юнкеров во многом был тот же, что и кадет: вставание в темноте, мытье, чистка одежды (самими), осмотр, чай, классные занятия, завтрак, строевые занятия, гимнастика, обед, дополнительные занятия, например сборка и разборка ружья, занятия уставами – строевыми и гарнизонной службы. Приготовление уроков, ужин вместе с чаем, сон. Все главные занятия начинались и оканчивались по сигналу, подаваемому горнистом. Разница с кадетским корпусом заключалась в отсутствии драки, шума, гама, возни».

Фасадъ зданія Павловскаго Военнаго Училища.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 мая 1898 г.

Тип. М. Д. Рудометова, Чернышевъ пер., 14.

Павловское военное училище

Алексей Николаевич усиленно занимался гимнастикой, кроме того, увлекся гиревым спортом, достигнув свободного владения и искусного манипулирования пудовыми гириями.

В военном училище так же интенсивно и энергично, как и в кадетском корпусе, проводилась в жизнь концепция «симфонии властей» – идея о гармоничном взаимодействии церкви и государства, главным содержанием которой являлся посыл о том, что законы православной церкви есть в то же время и законы русского государства и при этом государство выступает в качестве гаранта их незыблемого соблюдения. Закон Божий по-прежнему считался одним из ведущих предметов, а соблюдение юнкерами норм христианского благочестия и нравственности – важнейшим критерием общей оценки поведения и последующего итогового заключения аттестационной комиссии о готовности к производству в офицерский чин.

Согласно приказу военного ведомства, окончившие полный курс обучения юнкера делились на три разряда: 1-й разряд – имевшие по всем предметам в среднем не менее 8 баллов и в знании строевой службы не менее 10 баллов, выпускались в части армейской пехоты в чине подпоручика с одним годом старшинства, из них лучшие направлялись в войска гвардии – это являлось заветной мечтой и целью многих кандидатов в офицеры; 2-й разряд – получившие в среднем по всем предметам не менее 7 баллов и в знании строевой службы не менее 9, выпускались в части армейской пехоты, но без старшинства; в 3-й разряд попадали лица, не удовлетворявшие условиям 2-го разряда, которые переводились в части армейской пехоты унтер-офицерами с правом последующего производства в подпоручики не ранее чем через пять месяцев.

Алексей Николаевич Куропаткин окончил училище по 1-му разряду, из 120 завершивших учебу юнкеров стал по рейтингу третьим в выпуске, чин подпоручика ему присвоен 8 августа 1866 года.

В мемуарах Куропаткин подведет итоги «училищной школы и жизни», которые оценит как положительные: «Обучение юнкеров военному делу велось очень систематично. Подготовка к обязанностям младшего офицера давалась полная ... мы получили отличную строевую подготовку к офицерскому званию. Научные, особенно военно-сведения для предстоящей нам деятельности были получены достаточные. Прочно освоились с дисциплиной. Прониклись гордостью к своему званию, прониклись верой в мощь и непобедимость русской армии, преданностью государю. Привыкли к твердому внутреннему порядку. Знали, точным соблюдением каких... требований достигается этот внутренний порядок. Усвоенные привычки дисциплины, внутреннего порядка, любви и уважения к военному делу, преданность государю мы приготавливались перенести на солдат, которые будут нам поручены».

Глава 2. Желтые пески Туркестана

Распределение после окончания военного учебного заведения – всегда интрига, но в России XIX века – интрига, замешанная на рейтинге, то есть совокупности набранных итоговых баллов по предметам, поведению и особым достижениям. Субъективная оценка исключалась почти гарантированно, любимчики и лизоблюды имели ничтожно мало шансов небрежно подвинуть локтем добросовестных, старательных и талантливых юнкеров. Преимущественное право выбора места службы традиционно и по справедливости получали первые по рейтингу ученики.

Куропаткин оказался не первым, но третьим, что в любом случае обеспечивало ему право выбора любой вакансии, в том числе и в столичный Петербург, также путь открыт во вторую столицу – Москву, и в теплый Киев, и в цивилизованную по-европейски Варшаву, и в родной Псков.

К удивлению и недоумению выпускной комиссии, краса и гордость Павловского военного училища подпоручик Куропаткин ходатайствовал о направлении в Оренбургский военный округ, чьи войска в то время участвовали в боевых действиях против Бухарского ханства.

Расширение государства на национальные окраины и за их пределы – МИНИРОВАНИЕ империи на длительную перспективу в ожидании неминуемого, пусть через века, национального и конфессионального взрыва, что эпизодически наблюдалось в царской России, что и произошло при крушении СССР.

Проблем с границами на севере у России не было никогда – естественной и неприступной преградой был и остается суровый Северный Ледовитый океан; на российском скалистом побережье северных морей и посты пограничников никогда не выставляли за ненадобностью. В Европе и на Кавказе после бесконечной череды войн удалось достичь стабилизации линии государственной границы путем заключения двусторонних договоров с сопредельными странами. В 1860-х выдающимися усилиями графов-генералов Муравьева и Игнатьева на века определена российская граница с Китаем в Приамурье и Уссурийском крае.

На азиатском юге дела обстояли гораздо хуже: ни естественных преград в виде гор, морей и рек, ни договоров и демаркации, регламентирующих прохождение линии государственной границы, как на западе и востоке империи, не имелось. Только загадочные, застывшие на века между рабовладельческим и феодальным общественно-государственным устройстве исламские азиатские ханства и вечно кочующие, непокорные и непокоряемые разбойничьи племена инородцев, основным занятием которых являлся кочевой бандитизм.

На картах XIX столетия Туркестан напоминал лоскутное одеяло, сшитое так небрежно, что отдельные, с неровно скроенными очертаниями территориальные фрагменты наслаивались на другие, затрудняя целостное восприятие общей картины региона. На своем севере Азиатский край соприкасался с Российской империей, на юге граничил с Персией, Афганистаном и Западным Китаем. Кроме того, на территории азиатских ханств и эмиратов начала обращать свой пристальный взор Великобритания – очевидно, Британской Индии туманному Альбиону казалось мало, да и идея выйти на прямое соприкосновение с Россией, создав напряженную обстановку на подступах к территории русского государства и угрозу его безопасности на южных рубежах, ослабив тем самым устойчивые военно-политические позиции в Европе, представлялась Лондону стратегически безупречной.

В 1906 году, пребывая в отставке после Русско-японской войны, Куропаткин с высоты прожитых лет так опишет сложившуюся в середине XIX века военно-политическую ситуацию в южном ПОДБРЮШЬЕ растянутой, подобно кишке, с запада на восток, от Балтики до Тихого океана Российской империи – пустынной, необъятной и непонятной для славян Средней Азии:

«... Военное министерство с половины прошлого столетия весьма дружно с Министерством иностранных дел систематично противилось расширению наших границ в Азии, ввиду все усложнявшихся для нас задач в Европе. Поэтому наше движение вглубь Средней Азии происходило часто вопреки не только мнению, но и отданым из Петербурга приказаниям.

В 1864–1865 гг. занятие Черняевым Ташкента признавалось преждевременным, ибо приводило нас в непосредственное соприкосновение с Бухарским и Кокандским ханствами. После похода к Самарканду в 1868 г. Кауфману не только не разрешили покорить окончательно Бухарское ханство, но эмиру бухарскому были возвращены Шаар и Китаб, взятые нами после упорного боя. В 1873 г., покорив ханство Хивинское, мы ограничились занятием только правого берега р. Аму-Дарьи и сохранили за ханом Хивинским его власть.

В 1875 г., пройдя все ханство Кокандское, мы думали ограничиться только занятием г. Намангана, оставив остальную часть ханства в руках слабого хана Кокандского. В 1881 г. военный министр не настаивал на необходимости сохранить за нами занятый в 1871 г. силой оружия Кульджинский край. В 1881 г. Скобелеву, после овладения им Геок-Тепе, было строго запрещено идти на Мерв.

Такой образ действий военного министерства вызывался опасениями новых расходов и новых забот, опасениями новой затраты сил и средств за счет ослабления нашего положения на западной границе и на границах с Турцией».

В ноябре 1866 года Куропаткин прибыл в Оренбург, где в штабе военного округа получил назначение субалтерн-офицером в дислоцировавшийся в Ташкенте Оренбургский стрелковый батальон, сформированный немногим более полутора лет назад – 21 февраля 1865 года. Основу батальона составил личный состав стрелковых рот Сибирских линейных батальонов. Часть только вышла из боевых действий, участвуя в 1866 году в осаде и жесточайшем, с огромными с обеих сторон потерями штурме Джизака, носила славу боевой и заслуженной – батальон получит свой индивидуальный нагрудный знак отличия, присвоенный императорским указом от 21 июля 1867 года для ношения офицерами с надписью «За штурм Ура-Тюбе и Джизака 2 и 18 Октября 1866 г.».

Командовал батальоном подполковник Михаил Алексеевич Пищемуки, впоследствии генерал-майор, а непосредственным начальником Куропаткина стал командир 4-й роты поручик М.Ю. Ашенбреннер, переведенный двумя годами ранее в Оренбургский округ в наказание за отказ принять участие в подавлении польского восстания. Впоследствии подполковник Ашенбреннер получит печальную известность как один из видных деятелей «Военной организации партии Народной воли», организатор военно-революционных кружков в армии, государственный преступник; вынесенный ему в 1884 году смертный приговор заменят двадцатилетним заключением в Шлиссельбургскую крепость.

М. Ю. Ашенбреннер

М. А. Пищемуки

Карта

В своих мемуарах Куропаткин так оценивает роль и место пехотных подразделений в завоевании Средней Азии: «Главную силу и опору нашего положения в Азии составляла пехота. Она в бою решала участь боя, до боя проходила сотни верст пешком, а после победы на нее же возлагались главные работы по созданию нового русского опорного пункта.

Пехота строила укрепления, временные казармы, помещения для складов, проводила дороги, конвоировала транспорты. На ее же долю выпадали главные потери убитыми и ранеными. В полевом бою наша пехота держалась устава, имела впереди цепи стрелков и за ними поддержки преимущественно в ротных колоннах. Резервы строились или в батальонные колонны, или чаще в колонны из двух рот... При осаде крепостей на долю пехоты выпадало производство осадных работ и затем приготовление штурмовых лестниц. Некоторые штурмы производились по лестницам без достаточной артиллерийской подготовки и стоили нам дорого...»

На первых порах в служебные обязанности подпоручика Куропаткина входит организация и контроль за несением караульной службы, проведение строевых занятий и изучение воинских уставов с нижними чинами. Если и появляются какие-то сложности, то только психологического характера, так как все подчиненные Алексея Николаевича значительно старше его по возрасту, пусть гораздо менее грамотные, но гораздо опытнее в знании всех нюансов военной службы: солдаты и унтер-офицеры прошли бои и походы, побывали под обстрелом, ходили в рукопашную, не раз и не два смотрели смерти в лицо, теряли в бою товарищей, многие имеют ранения, удостоены наград, в том числе Георгиевских крестов. Куропаткин вспоминал: «Своим возрастом они были значительно старше нас, младших офицеров, и в походе, а также при несении боевой службы в аванпостах и секретах не мы, молодые офицеры, обучали их, а они нас».

В начале 1867 года Куропаткина назначают батальонным квартирмейстером.

Это реальное повышение по службе. Кардинально изменился круг ответственности, заключающийся в исполнении преимущественно обеспечительных, тыловых функций: контроль за поддержанием в чистоте и исправности казарменного фонда, заготовка дров для отопления помещений и работы кухни, обеспечение провиантом и фуражом, содержание в исправности и ремонт оружия, обмундирования, амуниции и обоза, получение и распределе-

ние керосина и свечей для освещения казарм и служебных квартир, обеспечение инвентарем учебных стрельб, выдача денежного содержания личному составу, сложная отчетность.

Форма одежды военнослужащих Оренбургского стрелкового батальона

Редко выпадающее свободное время Алексей Николаевич уделяет чтению литературы и совершенствованию жизненно необходимых в условиях Туркестана для офицера любого рода войск навыков верховой езды.

В апреле 1867 года Куропаткин в составе батальона отправляется в поход с целью овладения и удержания урочища Яны-Курган, которое командованием и штабом округа решено позиционировать и закрепить как передовой плацдарм русской армии в Туркестане. Молодой офицер участвует в локальных, на уровне огневого контакта, боестолкновениях с вооруженными группировками Бухарского эмирата, временно командует небольшими сводными подразделе-

ниями, занимается разведкой и топографической съемкой местности, выбирает и оборудует наблюдательные пункты, места размещения передовых постов охранения, секретов и засад, районы высылки дозоров. Исполняет прямые квартирмейстерские обязанности, что сопряжено с существенными трудностями, так как подразделения батальона располагаются в мало приспособленных для суровых осенне-зимних условий палатках. Ужасным было санитарное состояние лагеря, немало бойцов умерло вследствие заболеваний тифом и дизентерией, что стало горьким поучительным уроком молодому и неопытному офицеру Куропаткину на всю оставшуюся службу.

Постепенно подпоручик Куропаткин начинает осваивать на практике специфику боевых действий в Туркестане, приходит понимание маневренного, внезапного, «кусачего» стиля тактики противника, предпочитавшего нападать оттуда, откуда его ожидали меньше всего. Позднее он отметит особенности войны в Азии:

«По... местным условиям надо было держаться всегда при действиях против неприятеля, как оборонительных, так и наступательных, в сборе, в готовности отразить врага со всех сторон. Потому при каждом расположении на ночлег образовывалось каре, обеспечивающее войска со всех четырех сторон».

В январе 1868 года по распоряжению командующего войсками образованного в июле 1867 года Туркестанского военного округа генерал-лейтенанта Константина Петровича фон Кауфмана, измотанный одиннадцатимесячным походом с изнурительной палаточной зимовкой в степи батальон, переименованный из Оренбургского в Туркестанский, наконец, возвратился к месту постоянной дислокации в Ташкент.

В 1868 году Туркестанский батальон в составе передового отряда войск округа выступил в очередной поход – Зеравшанский.

К 27 апреля 1868 года русские войска численностью 3,5 тысячи человек под командованием генерал-майора Н.Н. Головачева сосредоточились на занятом несколько месяцев назад плацдарме в Яны-Кургане. Общее руководство боевыми действиями возложил на себя лично командующий войсками округа генерал Кауфман.

30 апреля 1868 года отряд выступил в направлении Самарканда. Куропаткин – уже не тыловик, не батальонный квартирмейстер, – он исполняет должность старшего адъютанта походного штаба и основные его функции заключаются в своевременном получении и анализе сведений о местности ведения боевых действий и составе сил противника.

Н. Каразин «Сражение на Зерабулакских высотах»

1 мая 1868 года авангард отряда при подходе к реке Зеравшан был внезапно атакован бухарской кавалерией, однако четыре сотни казаков при поддержке артиллерии и ракетной батареи оттеснили неприятеля на противоположный левый берег реки. Бухарские войска сумели занять господствующие позиции таким образом, что с них обстреливались пути продвижения к Самарканду и переправа через реку Зеравшан. Подразделения русской армии атаковали позиции противника, наступая одновременно по центру, с правого и левого флангов. Форсировав реку под перекрестным ружейным и артиллерийским огнем обороняющихся, пехота принялась стремительно штурмовать удерживаемые бухарцами высоты, вынудив ошеломленных напором солдат противника обратиться в беспорядочное бегство.

2 мая 1868 года российские войска без боя вошли в Самарканд, 12 мая 1868 года отряд полковника А.К. Абрамова овладел Ургутом, 18 мая 1868 года группа генерала Головачева беспрепятственно заняла Катта-Курган.

В конце мая 1868 года русская кавалерийская разведка установила сосредоточение бухарских войск численностью до 30 тысяч пехоты и всадников на Зерабулакских высотах в 10 километрах от Катта-Кургана. Кауфман принимает решение выдвинуться навстречу значительно превосходящему противнику с основными силами, оставив в Самарканде небольшой отряд в количестве 600 человек с приданными шестью артиллерийскими орудиями и двумя мортирами.

В. Верещагин. «Нападают врасплох»

Стремительным маршем, преодолев всего за сутки 65 километров, 2 июня 1868 года русские войска под командованием генералов Кауфмана и Головачева успешно атаковали позиции противника на Зерабулакских высотах, обратив неприятеля в паническое бегство, уничтожив при этом более 4 тысяч человек и захватив значительные трофеи: ружья и артиллерийские орудия, снаряды и патроны, лошадей и обоз.

Праздновать победу было некогда: пользуясь временным отсутствием русских войск, вооруженные отряды горцев под командованием Джура-бека и Баба-бека ворвались в Самарканд и осадили цитадель в центре города, где укрылся оставленный Кауфманом малочисленный гарнизон. Имея двадцатикратный перевес, при оголтелой поддержке местных жителей неприятель яростно бросился на штурм цитадели. Ожесточенные кровопролитные бои с колоссальными потерями с обеих сторон длились неделю. Руководитель обороны майор Штемпель ежедневно по ночам высылал связников к Кауфману с просьбой о помощи; из двадцати гонцов командного пункта русских в Катта-Кургане удалось достичь только одному. Прочитав записку

с текстом: «Мы окружены, штурмы непрерывны, потери большие, нужна помощь», – Кауфман немедленно развернул все войска и рванулся назад на выручку осажденным.

8 июня 1868 года он вступил со своим отрядом в оказавшийся двуличным и предательским Самарканд, уже опустевший к тому времени от поспешно ретировавшегося и скрывшегося в горах вероломного противника.

Н. Каразин. «Вступление русских войск в Самарканд 8 июня 1868 года»

Совсем скоро, 23 июня 1868 года, по заключенному мирному договору Бухарский эмир признал за Российской империей все ее территориальные завоевания с 1865 года, обязался выплатить контрибуцию в размере 500 тысяч рублей и предоставить русским купцам право свободной торговли в эмирате. Из восточной части ПРИНУЖДЕННОГО К МИРУ эмирата образован Зеравшанский округ, включивший города Самарканд, Катта-Курган, Чилек, Янги-Курган, Пайшанба и Педнжикент с прилегающими селениями.

В течение всего похода Куропаткин в штабе не отсиживается, а стремится быть в первых рядах атакующих подразделений, лично участвует в штурме Зеравшанских и Зерабулакских высот, в сражении под Катта-Курганом и деблокировании стойкого гарнизона Самарканда.

Героизм и храбрость двадцатилетнего подпоручика ЗАМЕЧЕНА начальством и ОТМЕЧЕНА самым достойным образом.

В 1869 году фортуна, что называется, повернулась к Куропаткину лицом. Он удостоился не просто единичного благосклонного фартового кивка «госпожи удачи», а, подобно покерному «рояль-флеш», получил всего за год вождеденный полный офицерский набор – повышение в должности, очередной воинский чин и два боевых ордена: в мае назначен исполняющим обязанности, а в ноябре утвержден в должности командира пехотной роты, в июле «за боевые отличия» произведен в поручики со старшинством от 2 июля 1868 года, награжден орденами Святого Станислава III степени с мечами и бантом и Святой Анны III степени с мечами и бантом.

Пехотная рота русской армии по штатному расписанию 1868 года – это около двухсот пятидесяти человек личного состава, из которых 4 младшие офицеры, фельдфебель, 20 унтер-офицеры, ефрейторы, рядовые. Для внутреннего управления рота делилась на четыре отделения. На вооружении винтовки Бердана, шанцевый инструмент – топоры, лопаты, кирки, мотыги.

Куропаткин позднее в своих мемуарах напишет: «При малочисленности войск на весь период завоевания Туркестана счет людям велся не на батальоны, а на роты. Рота была в Средней Азии тактической единицей в полном значении этого слова. Каждая рота в то же время была самостоятельна и в хозяйственном отношении. Довольствие пищей проводилось поротно. Ротный командир был полным хозяином не только в строевом, но и в хозяйственном отношении. Каждая рота имела свой ротный обоз от двух до трех повозок».

Поручик Куропаткин оказался на своем, уготованном для него самой судьбой, месте. Отцовское и кадетское воспитание, специальные знания и поведенческие навыки, полученные в кадетском корпусе и военном училище, положительный и отрицательный опыт службы свой личный и сослуживцев-офицеров, выдающаяся воля, целеустремленность и постоянный самоконтроль не сразу, но запрограммированно кумулятивно дали конечный результат. Вверенной ему ротой управляет настолько уверенно и твердо, что выдавшие виды командиры и начальники только диву даются, откуда у молодого офицера столько энергии, терпения и страстного желания работать без сна и отдыха, лишь бы его подразделение первенствовало везде и во всем: в боевой выучке, огневой подготовке, освоении поступивших в 1868 году на вооружение в батальон заряжающихся с казенной части ружей системы Бердана, строевой выправке, бытовом и санитарном отношении, знании воинских уставов, содержании вооружения и амуниции. От военных занятий отвлекала масса хозяйственных работ, связанных с ремонтом казарменных помещений батальона, пришедших к 1869 году в совершенный упадок.

Винтовка Бердана

Бытовые условия молодых офицеров соответствовали их скромным потребностям: в нанятом в Ташкенте доме имелась столовая, комнаты, используемые в качестве спален, помещение для денщиков. С учетом дешевизны местных продуктов денежного содержания хватало вполне. Свободное время отличалось своеобразием и разносторонностью: практически ежедневная самостоятельная верховая езда, стрельба из револьверов и ружей, игра в городки, плавание в реках Чирчик и Сыр-Дарье, охота, чтение. В мемуарах Алексей Николаевич вспоминал: «Вечерами оставалось время и почитать... Нас занимали, кроме литературных произведений

наших лучших авторов и периодической печати... книги по естествознанию... Были выписаны труды Льюиса, Молешотта, Бокка, Дарвина по естествознанию. Был выписан Бокль, а также «История России» Сергея Соловьева. Попали в библиотеку Добролюбов, Писарев и конечно, наши классики: Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Толстой, Гончаров, Достоевский, Писемский, Некрасов, Щедрин. Пользовался большим успехом и Михайловский. Из газет выписывался «Русский инвалид», «Голос». Из журналов: «Русское слово», «Современник», «Русский вестник».

Вместе с тем, далеко не все офицеры занимались самообразованием, расширением эрудиции и компетенции; кто-то отдавал предпочтение картам и пьянству, ставя тем самым в конечном итоге жирный крест на перспективах своей карьеры, материальном и семейном благополучии, зачастую и здоровье.

Туркестанское генерал-губернаторство включало в себя две области – Сырдарьинскую с центром в Ташкенте, где находилась резиденция губернатора, и Семиреченскую с центром в Верном. Весной 1870 года, согласно распоряжению Туркестанского губернатора А. П. Кауфмана, Куропаткин, не освобождаясь от обязанностей командира роты, назначен в распоряжение генерала Карташева для производства инспекторских смотров в войсках, дислоцированных в Семиреченской области, что явилось проявлением высокого доверия к молодому двадцатидвухлетнему офицеру и свидетельством его авторитета у высшего руководства военного округа.

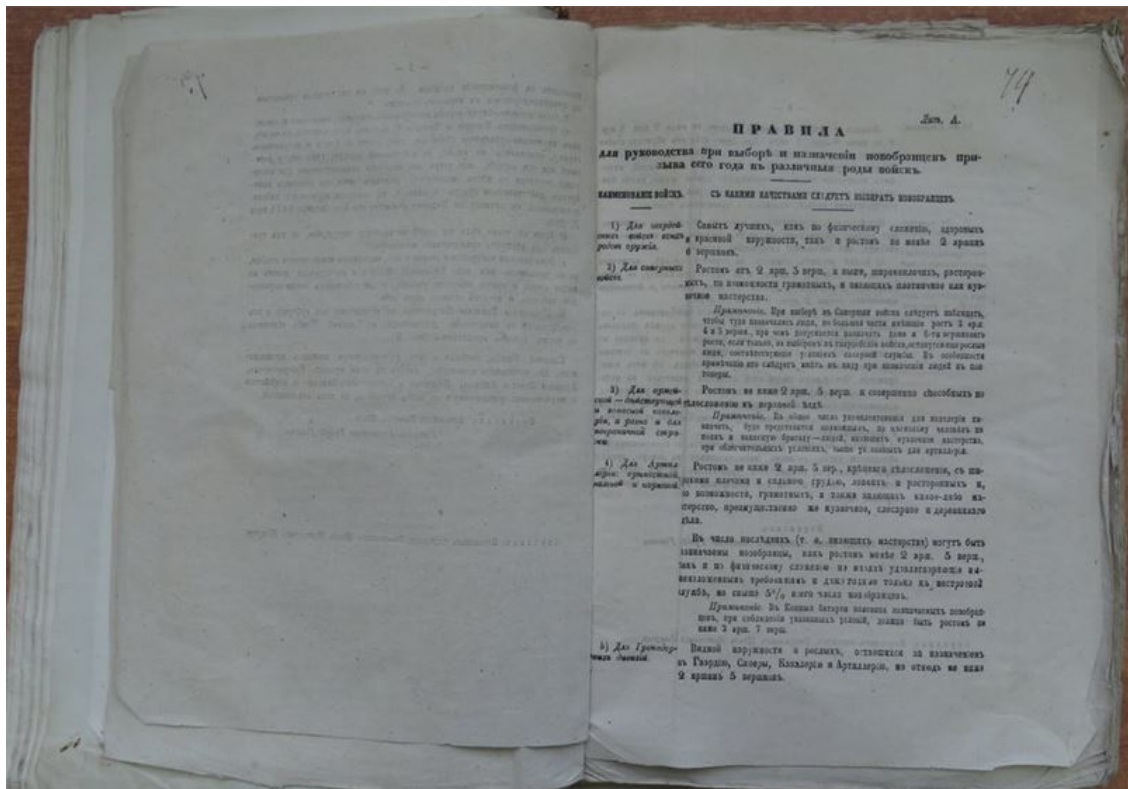

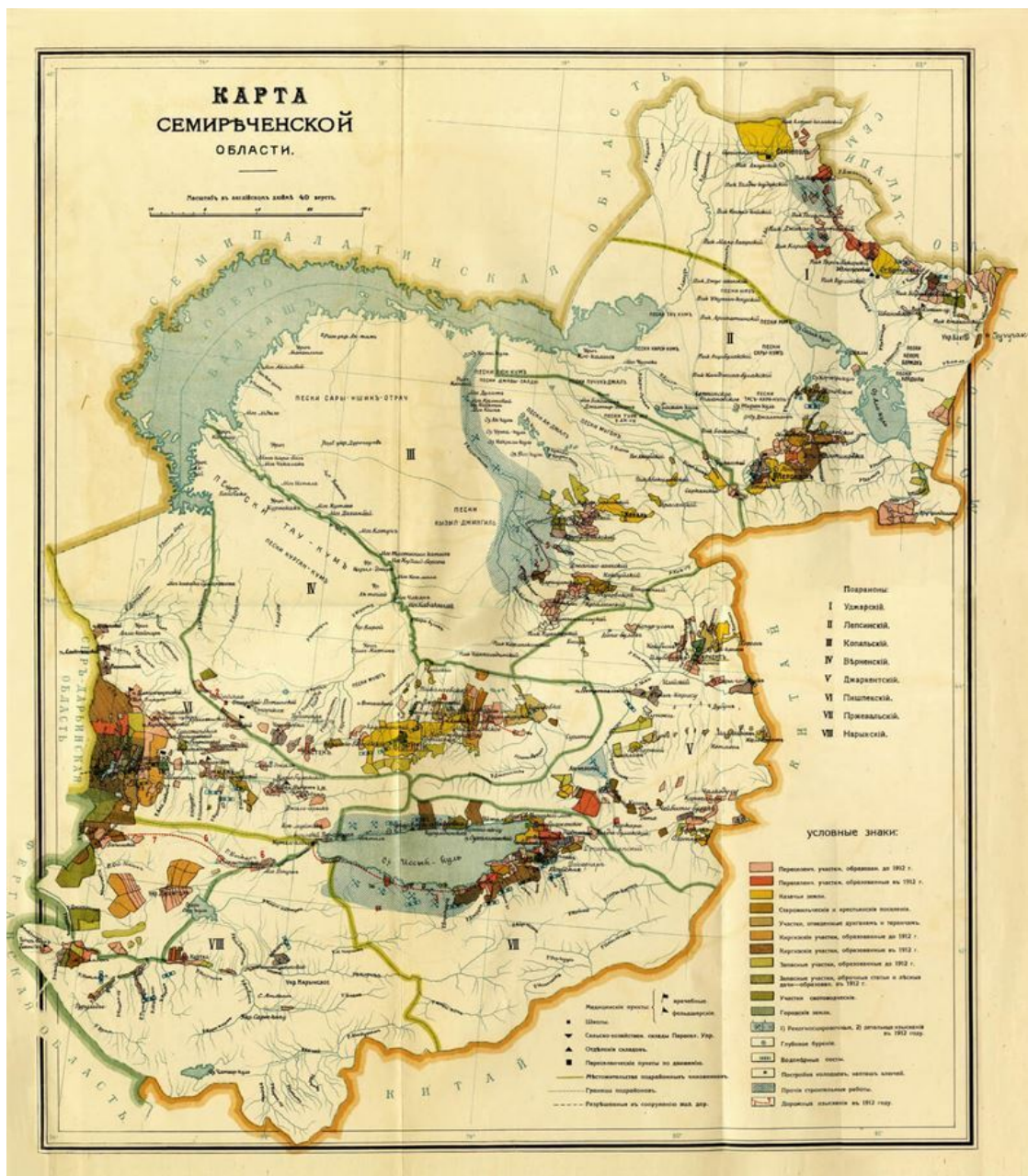
К. П. Кауфман

Инспекция всех войск Семиречья с проведением смотров и ревизий в Токмаке, Верном, Копале, Сергиополе, Бахтах и Нарынском крае, Каракольском уезде заняла более четырех месяцев, с марта по июль 1870 года. Куропаткин увидел истинное, в целом по факту печальное и удручающее положение дел в русской императорской армии на азиатской периферии империи так, как оно есть на самом деле: «...Общее впечатление получится очень неблагоприятное относительно состояния в 1870 году населения, войск и их начальников. Недочеты были серьезные, слабых сторон – много. Но надо принять в расчет и сильные стороны войск,

которые при осмотрах трудно обнаруживаются; требуется исключительная обстановка, чтобы эти сильные стороны проявились. Высокий нравственный дух, воинственность, стремление к опасности, чувство превосходства над противником, огромная выносливость – все это такие сильные стороны, которые, по моему мнению, должны смягчить впечатление от неустройства войск в Семиреченской области».

Так оно и получилось – когда в 1871 году обстановка в сопредельном с Туркестаном Илийском султанате стала серьезно угрожать безопасности края, военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант Г. А. Колпаковский из находившихся в области, ранее проинспектированных Карташевым и Куропаткиным войск, по указанию губернатора Туркестана Кауфмана собрал боевой отряд и в короткие сроки овладел Кульджей.

11 августа 1870 году Куропаткину «за отличие в службе» присвоен чин штабс-капитана. В 1871 году стаж офицерской службы Куропаткина составил пять лет, три из которых он командует ротой, достигнув на своей должности совершенства. Если командиру роты доверяют участие в инспекторской проверке, это говорит о том, что генералитет военного округа видит в нем руководителя гораздо более высокого, чем ротный командир уровня. Мотивация кадета, самодостаточного, обладающего чувством собственного достоинства, с безупречной репутацией, карьерного, потомственного офицера, диктовала – пора задуматься о будущем.

Глава 3. Академия генерального штаба

Летом 1871 года, успешно пройдя многоступенчатое сито сложных вступительных экзаменов, штабс-капитан Куропаткин становится слушателем Николаевской Академии генерального штаба, располагавшейся в двухэтажном дворце на Английской набережной Санкт-Петербурга, некогда принадлежавшим князю Куракину. Во времена Екатерины Великой часть имущества знатного аристократического рода, ввиду финансовых неурядиц, возникших у собственников недвижимости, обратили в пользование казны, с 1782 года в здании размещалась Коллегия иностранных дел, а с 1832-го – Военная академия.

Снаружи дворец смотрелся скромно и незатейливо, но внутреннее сдержанное величие, свойственное всему, что связано с дипломатическими особняками, где творилось и вершилось таинство внешней политики империи, в полной мере отвечало общеэстетическому духу и традициям как МИДа, так и военного ведомства: роскошь не в золоченых купидонах на потолке и шелке на стенах, а в камерном, сдержанном сочетании полутемных тонов мрамора и красного дерева, в некоторых помещениях допускались массивные дубовые панели, только подчеркивающие изысканность классического интерьера.

Форма определяет содержание – во дворце на берегу главной реки столицы империи готовили выдающиеся умы для великих и славных дел на армейском поприще и поле брани, мастеров аналитической оценки театров военной действий, знатоков войск противника и компетентных, высокоорганизованных генштабистов и командиров частей и соединений.

Военным министерством основным назначением академии ставилась подготовка прилично отобранных из войск наиболее авторитетных и грамотных офицеров к штабной службе, прежде всего в Главном штабе, штабах военных округов и корпусов, а также полноценное распространение передовых достижений военной науки в армейской среде.

В одном из отчетов конференции академии по вопросу пропаганды военных знаний говорилось следующее: «Эта последняя цель непременно будет достигнута, коль скоро из академии будут выходить офицеры вполне достойные, соответствующие своему назначению, ибо на обязанности генерального штаба в русской армии лежит не только вся распорядительная часть по передвижениям войск, их расположению и действию, но на него же возлагается и содействие занятиям по обучению войск. Так, офицерам генерального штаба поручается редакция строевых уставов; на них лежит наблюдение за обучением и распространением в войсках грамотности; они же, преимущественно перед другими офицерами, занимаются преподаванием военных наук в юнкерских школах, кадетских корпусах и, наконец, в самой академии».

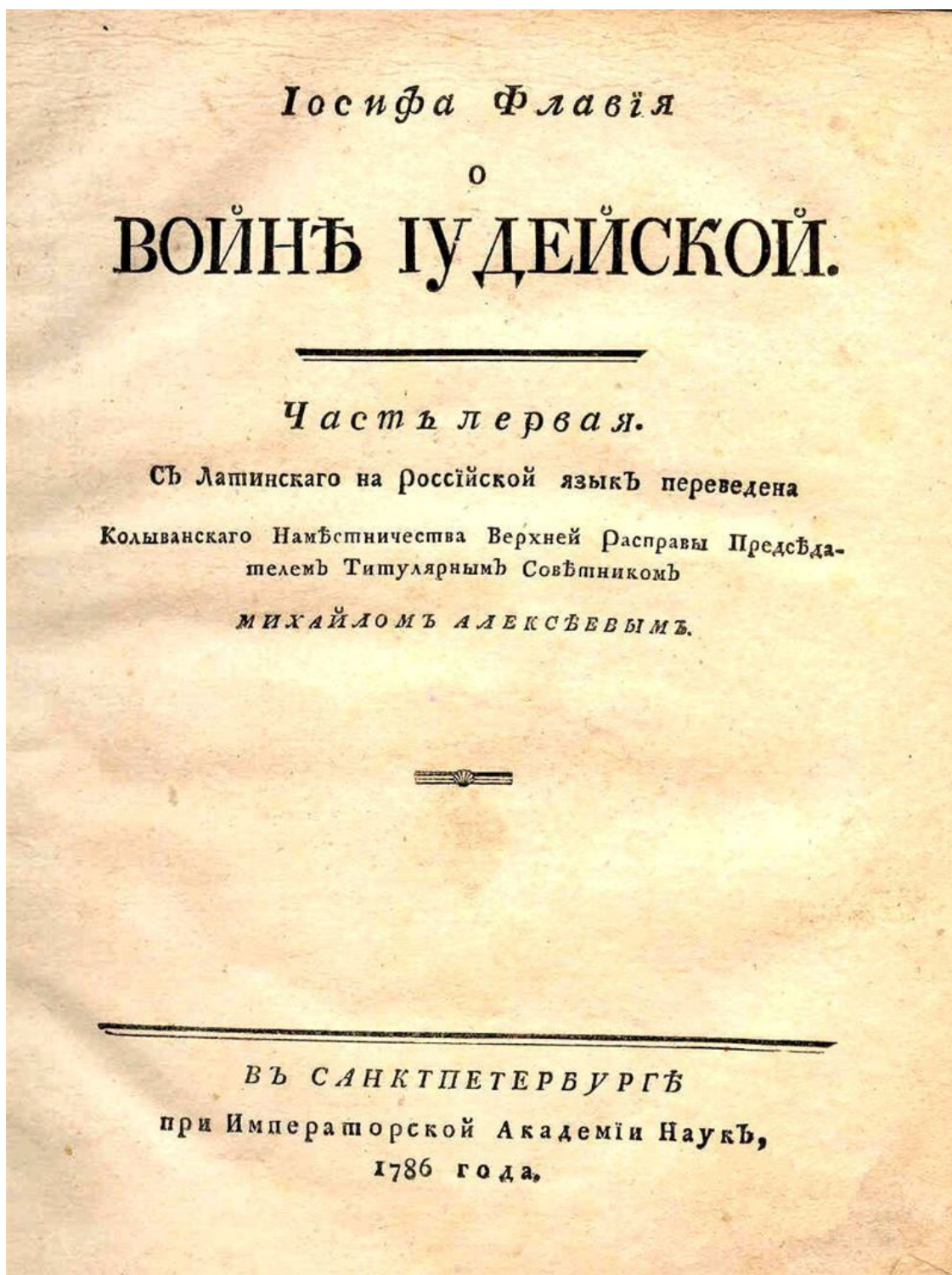
В период пребывания Куропаткина в качестве слушателя Николаевской Академии генерального штаба ее начальником был генерал-лейтенант Александр Николаевич Леонтьев. Выпускник Пажеского корпуса, он после нескольких лет службы в гвардии поступил в Академию генерального штаба, окончив ее с серебряной медалью, то есть лучшим из лучших. Академией руководил в общей сложности пятнадцать лет, придав ей иную динамику и совершенно новый вектор военно-научного и педагогического развития, заключавшийся в преимущественно практическом характере обучения офицерского состава, максимально приблизив специальные теоретические военные образовательные программы к повседневным потребностям сухопутной армии с учетом печальных и поучительных отголосков проигранной Крымской войны и современного опыта войн в Европе, прежде всего Франко-прусской 1870–1871 годов.

Начальник академии с первых дней вступления в должность установил и закрепил в приказах по военно-учебному заведению незыблемые правила и установления, направленные на устранение расхлябанности, неорганизованности учебного процесса и повышение дисциплины на всех уровнях: обязательное посещение лекций слушателями, в отношении офицеров, про-

пускающих занятия, установлена строгая отчетность; сроки, в которые офицеры должны представлять каждую учебную работу, должны соблюдаться неукоснительно, пропуск срока сдачи работ без крайне уважительных причин считался неисполнением данной работы со всеми вытекающими последствиями, вплоть до отчисления из академии; офицеры приучались к точной исполнительности в повседневной службе и занятиях, четкости и емкости изложения своих мыслей и производства докладов; особое внимание обращалось на нравственную оценку офицеров, обучающихся в академии, с тем чтобы по возможности оградить генеральный штаб от личностей, не соответствующих его высочайшим во всех отношениях требованиям.

**ГЕНЕРАЛЬ - ЛЕЙТЕНАНТЪ
ЛЕОНТЬЕВЪ.**

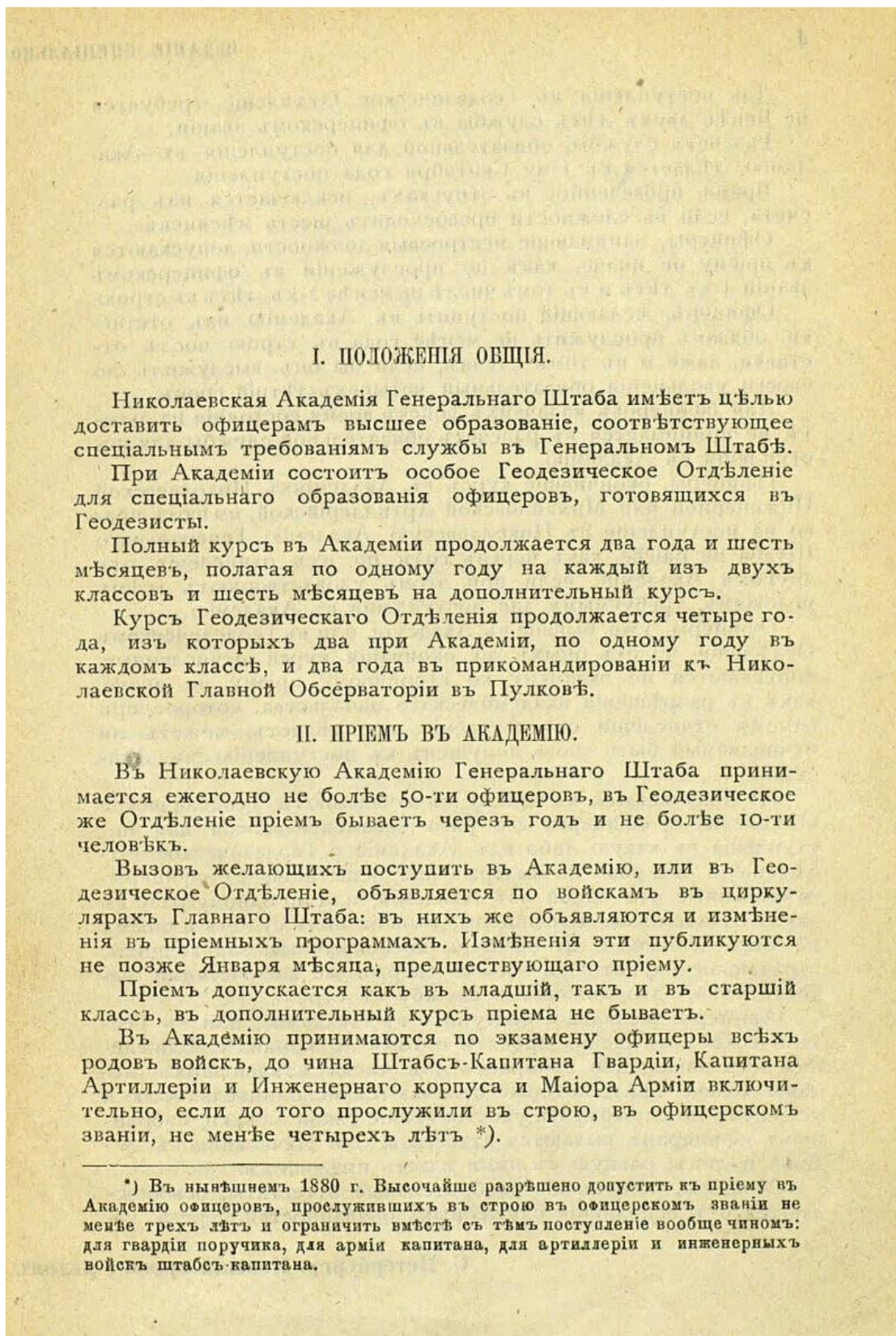

Ежегодно в академию зачислялось до пятидесяти офицеров, а всего их в сухопутной армии имелось порядка пятидесяти тысяч. Можно только представить себе, каким высочайшим был уровень селекции кандидатов на учебу. На академическую вершину, почти гарантировавшую дальнейшее блистательное продвижение по службе, стремились многие, среди них действительно находились толковые, добротные и одаренные ротные и сотенные командиры, отбор на уровне военных округов был строжайшим и пристрастным, поэтому до завершающего этапа вступительных испытаний допускались далеко не все желающие. Непременным условием

поступления являлся опыт – стаж службы в войсках до поступления в академию определялся не менее четырех лет.

Поступление отнюдь не означало автоматического окончания академии и вожденного зачисления в генеральный штаб: до выпускных экзаменов после двух- или трехлетнего обучения доходило порядка восьмидесяти-девяноста процентов слушателей, остальные, не выдержав изнурительной учебной нагрузки, отсеивались и направлялись по месту предыдущей службы, что, безусловно, становилось ударом по карьере, моральной травмой и жизненной трагедией для каждого не справившегося с академической программой офицера.

Жесткость в подходе к оценке подготовленности и перспективе каждого слушателя была абсолютно оправданна, ведь от компетентности и волевых качеств будущего командира или начальника штаба напрямую зависела судьба вверенного им в полное подчинение конкретного батальона, полка, дивизии или корпуса в условиях военных действий, судьбы тысяч людей, успех войсковой операции, в конечном итоге – **ВЫЖИВАЕМОСТЬ** армии. Погубить полк или дивизию – много ума не надо, обеспечить выполнение боевой задачи с минимальными потерями своих войск и нанесением максимального урона противнику – военное искусство, то есть именно то, чему учили и натаскивали в академии.

Выписка из Положения об академии Генерального штаба

Таким образом, согласно установленным Военным министерством нормам, при поступлении и в процессе обучения в академии будущая военная элита, кандидаты в генералитет русской армии проходили как естественный, так и искусственно созданный отбор, в большей мере

отбор ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ и морально-нравственный, чем по иным сопутствующим, но не менее важным параметрам. В приказах по военному ведомству объявлено, чтобы в академию не направлялись офицеры, замеченные в чем-то предосудительном, а также обремененные долгами, особое внимание обращалось на то, чтобы к поступлению в академию представлялись только такие офицеры, кто отличался «строгой исполнительностью и исправностью по службе». При выборе кандидатов для поступления обращалось внимание на физические данные и состояние здоровья, дабы «вовсе не допускать к приему заикающихся и одержимых недостатками, затрудняющими службу в строю».

Досконально отработанные и постоянно совершенствующиеся программы академических курсов предусматривали изучение следующих основных и вспомогательных дисциплин: тактики, стратегии, военной истории, военной администрации, военной статистики, геодезии и картографии, черчения, русского и двух иностранных языков, политической истории, международного права, сведений по инженерной и артиллерийской частям.

Кроме того, слушателям давались необходимые сведения по военной гигиене, об устройстве и употреблении военно-походных телеграфов.

Окончательная аттестация выпускников проводилась по окончании дополнительного курса, где от слушателей требовалось подготовить два устных доклада на тему военной истории и военного искусства, а также письменный доклад по предмету стратегии, военной статистики и военной администрации.

По окончании занятий на дополнительном курсе для каждого офицера определялся средний балл за все занятия на курсе, по каждому из устных и письменных докладов и за полевые тактические занятия. Таким образом складывался рейтинг, определяющий общий итоговый уровень оценки каждого выпускника. Офицерам, окончившим дополнительный курс, выдавались свидетельства на право преподавания в военных училищах тактики и военной администрации без предварительного испытания подготовкой и чтением пробной лекции. Окончившие курс офицеры, предназначенные для службы в генеральном штабе, непременно проводили первое лето после выпуска при больших маневрах, сборах войск или в тех военных округах, куда они назначались на службу, если там назначались подобного рода сборы.

В академию Куропаткин поступил легко и уверенно, с учебой проблем не было никогда, ни в кадетском корпусе, ни в военном училище: сын военного преподавателя, он, отличаясь ненасытной жадой приобретения знаний и стремлением к самосовершенствованию, брал завидной врожденной памятью, устоявшейся и привитой отцом отточенной методикой самостоятельной работы, отработанной в ходе службы в Средней Азии исполнительностью даже в мелочах, уважением и почтением к профессуре, феноменальной усидчивостью. Несомненную роль при решении вопроса о зачислении в академию сыграли такие значимые и почитаемые в военной среде факторы, как пятилетний опыт боевой службы в беспокойном Туркестане и два боевых ордена.

Алексею Николаевичу предстояли три года учебы в почти родном Петербурге, где прошли детство и юность в кадетских и юнкерских погонах, где он стал офицером. Он искренне любил этот неприветливый с виду и шероховатый город с его уютными садами и парками, ухоженными центральными проспектами и набережными, очарованием каналов и рек, мглстой дымкой над Невой и подавляющим величием монументальных зданий правительственных учреждений.

Город, облеченный тайной власти над великой империей.

Город, как и все столицы, не прощающий ошибок, не терпящий слабых, безвольных, хлюпиков и неудачников.

Три года учебы, но уже не в статусе кадета и юнкера, подневольным, на казарменном положении, с дефицитом свободного времени и почти полуголодным, бесправным существованием, а орденосцем, офицером, штабс-капитаном, пусть и с относительно небольшим, но

все же приемлемым для жизни в столице денежным содержанием, предоставленной возможностью распоряжаться и самостоятельно планировать свое время, за исключением обязательного посещения учебных занятий.

Академия – это формирование фундаментальных знаний военной теории. Имея теоретическую базу, в дальнейшем выпускники академии не только более легко и уверенно решали практические боевые задачи управления частями и соединениями, но и получали преимущество при продвижении по службе, при прочих равных шансах при оценке кандидатов на занятия вышестоящих должностей приоритет отдавался офицерам генерального штаба.

Стремиться было к чему: в разное время до Куропаткина академию окончили офицеры, ставшие впоследствии полными генералами, крупными военачальниками, выдающимися дипломатами, разведчиками, высшими военными чиновниками, признанными военными теоретиками: военный министр Д.А. Милютин, начальник Главного штаба Н.Н. Обручев, полководец Ф.Ф. Радецкий, начальники Академии генерального штаба А.Н. Леонтьев, Г.А. Леер и М.И. Драгомиров, военный агент в Лондоне, посол в Пекине, присоединивший к России Приамурье и Уссурийский край, министр внутренних дел Н.П. Игнатьев, ученый-первооткрыватель, разведчик Н. М. Пржевальский, полководец М. Д. Скобелев...

Над академией веял мифический ореол славы и блестящие лучи престижа и признания на высочайшем уровне, о ней не забывал монарх. В ноябре 1871 года Александр II назначил почетным членом Николаевской Академии генерального штаба прусского фельдмаршала графа Мольтке, а в 1872-м этого звания за военно-исторические и военно-статистические труды и одиннадцатилетнюю работу в качестве профессора академии удостоен военный министр России Милютин.

На одном курсе с Куропаткиным учились и составляли ему серьезную конкуренцию в достижении первенства в рейтинге способные и талантливые офицеры, ставшие через определенный промежуток времени генералами от инфантерии: В.А. Сухомлинов, достигший должности военного министра при Николае II; П.О. Щербов-Нефедович, занимавший пост начальника Главного управления казачьих войск; Н.П. Шатилов – помощник наместника на Кавказе по военной части, член Государственного совета; главнокомандующий войсками Западного фронта Первой мировой войны В.В. Смирнов; военный губернатор Акмолинской и Сыр-Дарьинской областей М.Я. Романов; начальник войскового штаба войска Донского В.И. Пневский; командир корпуса П.Ф. Клауз. Должности командующего войсками Варшавского военного округа достиг генерал от кавалерии К.К. Максимович, командующим Приамурского и Туркестанского военных округов стал генерал-лейтенант Д.И. Субботич, начальником кавалерийской дивизии – генерал-лейтенант К.Е. Пржевлотский, начальником пехотной дивизии – генерал-лейтенант А.К. Биргер.

Действительно сильный выпуск – девять – полных генералов, два военных министра империи.

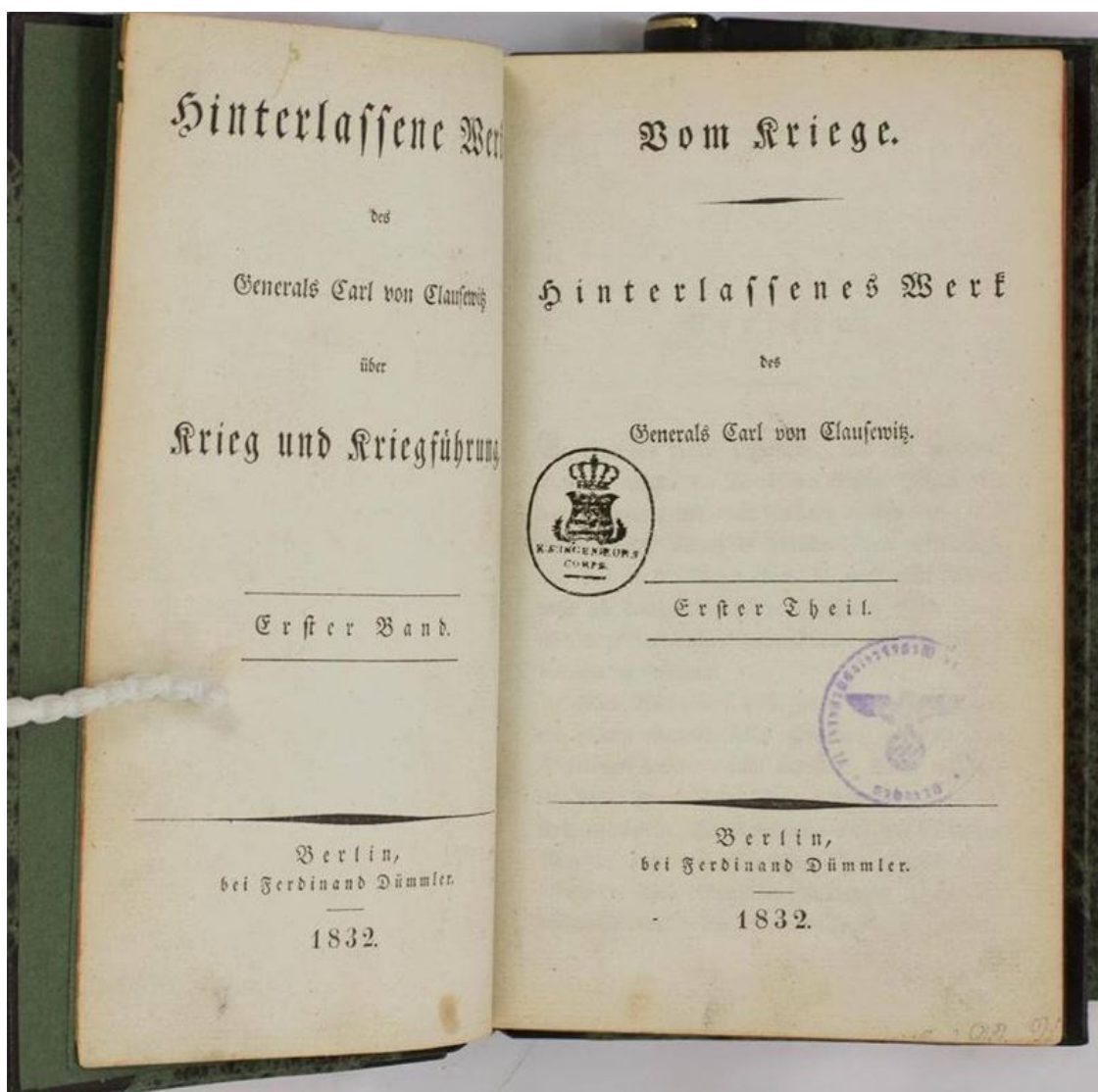
Структура образовательного процесса предполагала, соответственно общему практическому направлению всего академического преподавания, соблюдение баланса между «элементами историческим, критическим и догматическим; в основу этой соразмерности надлежит признать: что слишком большое развитие исторических данных поглощает много времени, в ущерб практическим занятиям; критика, если она не основана на подробном анализе разбираемых фактов, может приучать обучающихся к поверхностным взглядам и безусловным приговорам; наконец, излишний догматизм в военных науках может вести к односторонним и отвлеченным теориям, совершенно отклоняющим от прямой практической цели специально военного образования».

В наставлениях по обучению прямо указано, что «практические упражнения во всем предметам преподавания, как в классах, так и в поле (летом), должны составлять не второстепенную, но существенную сторону академического курса. Все преподавание должно быть

направлено к тому, чтобы обучающиеся не только здраво судили о военном деле, но умели хорошо исполнять свои обязанности».

Особенное внимание обращалось на устранение недостатка, замеченного в офицерах, выпускаемых из академии: «малое знакомство с внутренним управлением войск и штабным делопроизводством».

Тактика, стратегия и военная история изучались на кафедре военного искусства, состоявшей по штату из трех профессоров и двух адъюнкт-профессоров. В изучении тактики около трети учебного времени занимали практические занятия, например, по темам: инструментальная съемка, расположение войск на биваках и охранение их расположения, походные движения и позиции. На классных тактических занятиях помимо лекций рассматривались способы применения теоретических знаний на практике, приемы решения тактических позиционных задач. Происходило знакомство с организацией и проведением тактических учений войск. Кроме того, в академии практиковалось проведение военных игр с разделением слушателей на две стороны – за свои войска и за противника, преподаватели исполняли роль посредников.

Первое издание трактата К. Клаузевица «О войне»

В 1873 году издано «Руководство к военной игре» с необходимыми принадлежностями – топографическими картами, имитирующими построения войск и вооружения шашками и костью, объемными масштабами местности.

Полевые тактические занятия подчинялись «одной общей цели: приучить обучающихся офицеров к военной оценке местности, к быстрой съемке данных пространств, к распределению на местности войск, а также и к тем действиям, которые составляют существенную часть боевой деятельности офицеров генерального штаба, как то: рекогносцировки разного рода, выбор позиций и биваков, расположение на них войск, разбивка аванпостов и т. п.».

Ге́нрих Анто́нович Леер (1829–1904) – российский военный теоретик, историк и педагог.

Тактику преподавали профессора Г.А. Леер и А.Н. Витмер, а также приглашенные сотрудники Главного штаба полковник Левицкий, подполковник Бунаков и капитан Нагловский. На полковника, впоследствии – генерала, Витмера было возложено исследование боевых свойств войск вероятного противника; для более углубленного изучения иностранных армий его командировали на пять месяцев за границу для наблюдения за летними сборами зарубежных армий, ознакомления с уставами и системой обучения, принятой на Западе.

Примечательно, что, ознакомившись в 1869 году с французской и прусской армиями, Витмер спрогнозировал полный разгром Франции в случае военного столкновения с Германией, что, собственно, и произошло в 1871 году.

Стратегию преподавали Г.А. Леер, полковник Беренс и подполковник Станкевич. Генрих Антонович Леер уже тогда являлся звездой теории военной стратегии. Достигнув абсолютного совершенства в разработке и преподавании не имевшего аналогов в России и за рубежом курса тактики, что нашло отражение в двух работах – «Записки тактики для военных училищ» и «Прикладная тактика», Леер параллельно, с 1865 года, читал в академии курс стратегии. В 1867 году в «Военном сборнике» он опубликовал статью «О современном состоянии стратегии», в 1869-м – работу «Опыт критически-исторического исследования законов искусства ведения войны (положительная стратегия)». После того как книгу перевели на иностранные языки, ее автор моментально признан выдающимся военным авторитетом и теоретиком европейского уровня, основанная в 1796 году Королевская шведская академия военных наук избрала РУССКОГО генерала Леера своим действительным членом. Посещая иностранные академии, пытливый Леер как губка впитывал все положительное в образовательном процессе зарубежных военно-учебных заведений, благодаря ему в обучение будущих офицеров генерального штаба введены полевые поездки.

Изучение предмета стратегии переплеталось и существенно дополнялось предметом военной истории. Курс военной истории был разделен на две отдельные части: историю военного искусства и изучение военных кампаний.

Первая часть «должна состоять в изложении последовательных изменений в образе ведения войны, начиная с древних времен и до новейших (т. е. включая и период Наполеоновских войн); причем главной целью должно быть указание того влияния, которое современные условия имели на состояние военного искусства в каждую эпоху. Изложение этого курса должно быть столь возможно сжато и строго согласовано с курсом стратегии.

Изучение кампаний составляло существенное дополнение и вспомогательное пособие к овладению курсом стратегии; оно должно ограничиваться критическим разбором двух или трех кампаний вместо прежнего изложения целого ряда войн; но при разборе каждой кампании необходимо излагать подробно как самые действия – стратегические и тактические, так и распоряжения военно-административные и хозяйственные, в общей связи и совокупности. Только при подобном полном и всестороннем рассмотрении целой кампании можно ожидать основательного и полезного критического разбора... Изучать кампании офицеры должны не по классным запискам, а по лучшим военно-историческим сочинениям, из которых они должны сами делать выписки и заметки».

В период пребывания Куропаткина в академии самым подробным образом изучались кампании 1809, 1812 и 1815 годов, Польская война 1830–1830 годов, Итальянская война 1859 года, эпизоды из войны за независимость США (1775–1783), Австро-прусская война 1866 года и Франко-прусская 1870–1871 годов. Практически весь объем курса доходчиво и увлекательно преподавал профессор, полковник Афанасий Евлампиевич Станкевич, лекции по недавно завершившейся войне Германии с Францией читал Леер, причем ряд из них заинтересованно посетил сам император Александр II.

Главной целью преподавания военной администрации являлось ознакомление офицеров с существующими в России военными учреждениями и постановлениями, особенно с теми из них, знание которых наиболее необходимо при прохождении службы в генеральном штабе.

Программа курса включала три раздела:

- Организация и комплектование войск.
- Военное хозяйство.
- Администрация и снабжение армии в военное время.

Наибольшее внимание обращалось на ту часть учебного курса, которая непосредственно относилась к управлению войсковым хозяйством.

Курс военной администрации вели профессор, полковник П.Л. Лобко – будущий генерал от инфантерии и начальник канцелярии Военного министерства, а также адъюнкт-профессор, капитан генерального штаба М.А. Газенкампф – будущий генерал от инфантерии и член Военного совета.

Г. А. ЛЕЕРЪ.

Т. 58
344

СРАЖЕНІЕ ПРИ ВЕРТЪ.

6 августа 1870 г.

Составилъ заслуженный профессоръ Николаевской Акад. Генер. Штаба
Генераль-Лейтенантъ Г. А. ЛЕЕРЪ.

Программа утверждена Высшимъ Министеромъ для военныхъ (приказъ по Воен. вѣд. 1883 г.
№ 205) и для юнкерскихъ (приказъ по Воен. вѣд. 1884 г. № 178) училищъ.

ИЗДАНИЕ 2, ВНОВЬ ПЕРЕСМОТРѢННОЕ,

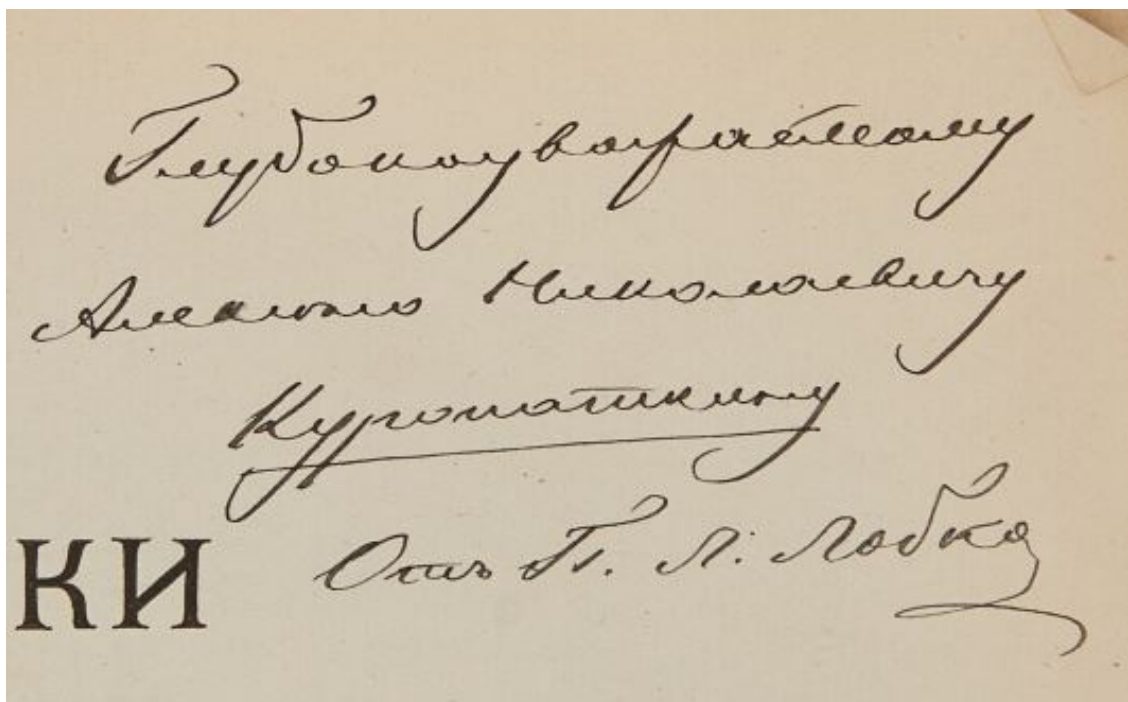
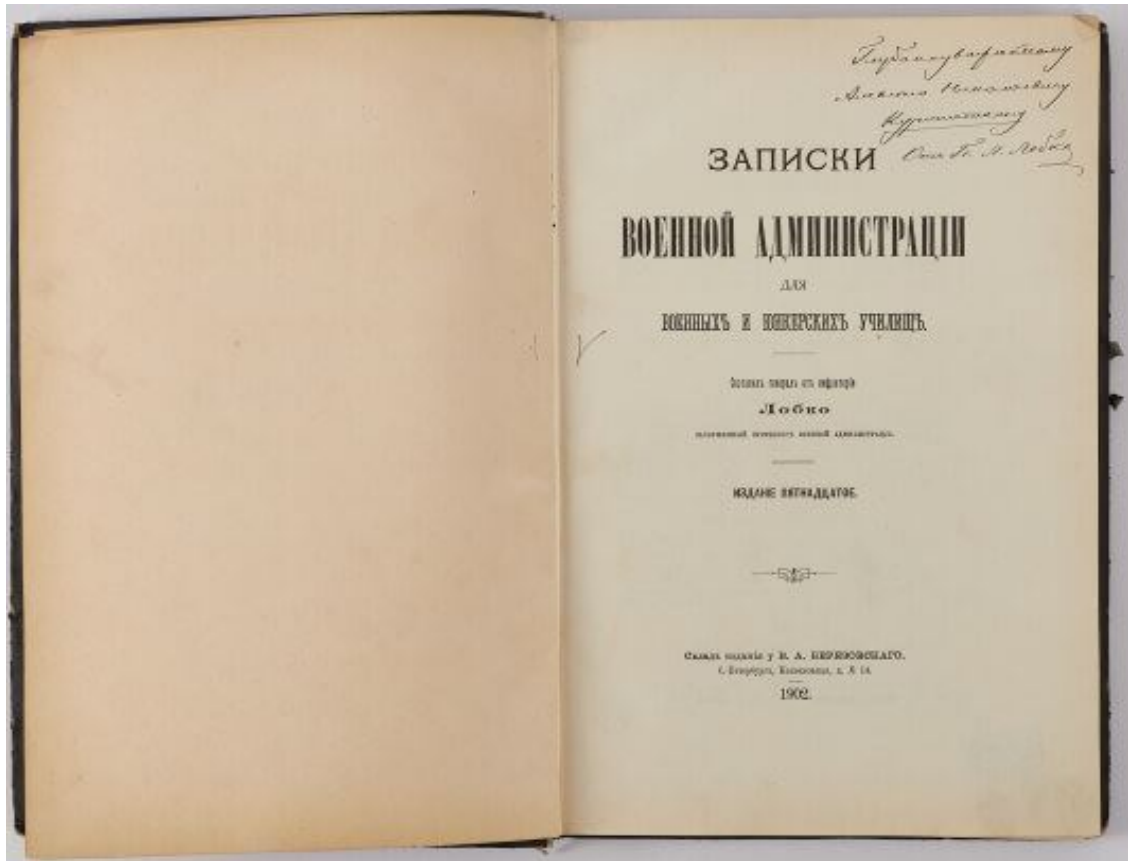
съ планомъ сраженія и 32 схемами.

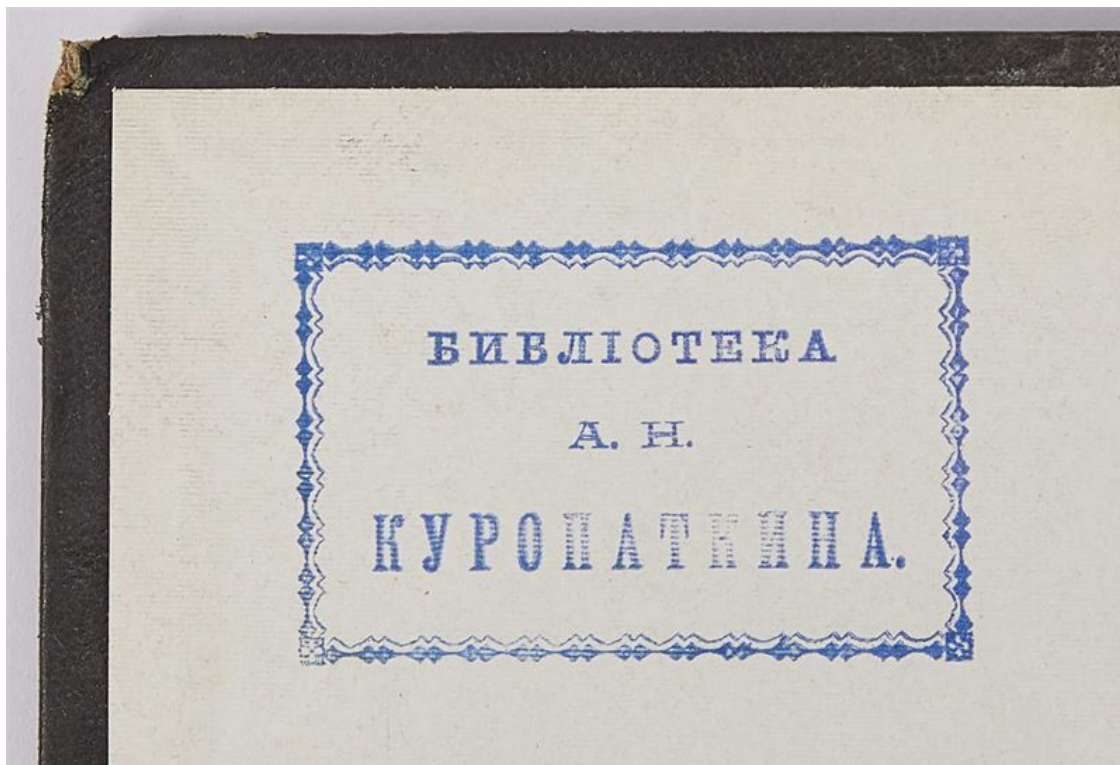
Цѣна 1 р. 25 к.

Изданъ В. Березовскій.

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.
1885.

Книга П. Л. Лобко с дарственной надписью А.Н. Куропаткину и штампом личной библиотеки А. Н. Куропаткина

П. Л. Лобко

На практических занятиях слушатели обязаны были в определенные сроки решить четыре задачи: 1. По составлению проекта практических занятий для войск военного округа со всеми необходимыми приложениями. 2. По приведению в исполнение подготовленного проекта. 3. По составлению ночной дислокации на пять суточных переходов и две дневки для пехотного или кавалерийского полка. 4. По составлению расчетов и таблиц для перевозки по железным дорогам отряда, состоящего из всех родов войск – пехоты, кавалерии, артиллерии, инженерных частей.

И все же любимым предметом слушателя штабс-капитана Куропаткина стала не стратегия или военная администрация, а военная статистика. Сказалась служба в интереснейшем в географическом плане Туркестане и сильнейшее впечатление от подавляющего, могучего интеллекта не менее выдающихся, чем Леер и Лобко, преподавателей – заслуженных профессоров, генералов Николая Николаевича Обручева и Алексея Ивановича Макшеева. Профессор Макшеев вообще всю Среднюю Азию прошел пешком вдоль и поперек, детально изучил этот край в стратегическом и статистическом отношениях, написал десятки научных работ, что позволило ему стать членом Русского географического общества.

Основоположником военной статистики в России считался военный министр Милютин, написанные им более двадцати лет назад учебники не теряли своей актуальности и в 1870-е. Курс военной статистики включал подробный обзор иностранных государств – Германии, Австро-Венгрии, Франции, Англии и Турции, краткий обзор – России и Швеции.

Читались отдельные лекции о вооруженных силах Китая и Японии и «О военном значении азиатских границ России». Опираясь на богатые статистическими фактами и цифрами научные монографии и учебные пособия, преподавание предмета имело целью разъяснить слушателям отдельные, более важные статистические вопросы и по возможности привить навыки сопоставления и оценки фактов в их сравнении, дать представление о каждом отдельном государстве с увязкой показа аналогичных характеристик других стран, у офицеров формировалось умение сводить выявленные однородные статистические факты к общим выводам. На практических занятиях дополнительного курса офицеры знакомились с наиболее важными участками пограничного пространства Российской империи и решали практическую письменную задачу.

В 1873 году введены особые занятия, где слушателям предлагалось по памяти нанести на листы немой карты Центральной Европы главные характерные особенности рассматриваемой территории вероятного театра военных действий – населенные пункты, реки, озера, каналы, мосты, тоннели, дороги, особенности рельефа местности и его проходимость для войск, расположение военных и промышленных объектов.

А. И. Макашев

Н. Н. Обручев

Надо полагать, что даже сам факт ежедневного общения с такими выдающимися мыслителями, как генералы-ученые Леер, Макшеев, Обручев, Витмер, способствовало формированию могучего военного интеллекта Алексея Николаевича Куропаткина и давало ему колоссальный стимул и стремление для выхода на аналогичный теоретический уровень, на котором находилась непревзойденная академическая русская военная профессура, наглядно демонстрировало, каких высоких карьерных ступеней и чинов можно достичь в армии исключительно за счет умственных способностей, когда не родословная, связи, симпатии, деньги и его величество СЛУЧАЙ определяют служебный офицерский рост, а голова.

Обязательными были учебные курсы геодезии и картографии.

Практические занятия по этим предметам заключались в проведении глазомерной и инструментальной съемки местности и составлении различного рода специальных и военных топографических карт и кроков. С 1871 года введено наставление для производства военно-глазомерных съемок в академии, составленное полковником генерального штаба Циклинским. На академических учебных съемках испытывались новые приспособления: так, в 1872 году подвергнут испытанию легкий австрийский планшет, образец которого был доставлен командированным за границу штабс-капитаном Скугаревским. Заключение об испытаниях на полевых занятиях передали в военно-топографический отдел Главного штаба и после некоторого усовершенствования планшет приняли для использования в учебных съемках офицеров старшего класса академии.

Академический курс фортификации включал в себя ознакомление слушателей с основами военно-инженерного искусства: применением долговременных и временных полевых укреплений на местности, характеристиками казарменных и лагерных построек, об устрой-

стве, порче и восстановлении путей военного сообщения, о видах брони. В качестве образцов демонстрировались имеющиеся в академии коллекции инженерных моделей, действующие укрепления Кронштадтской военно-морской крепости и ее артиллерийское вооружение.

Курс артиллерии ограничивался доведением до слушателей сведений о новейших достижениях и технических усовершенствованиях в системах вооружения в российской и зарубежных армиях, ежегодным осмотром офицерами технических артиллерийских учреждений и практическим производством стрельбы из орудий и ручного огнестрельного оружия.

Преподавание политической истории совмещалось с изложением основных начал международного права.

Интерес слушателей вызывал курс физической географии, чему во многом способствовали выдающиеся педагогические качества преподавателя действительного статского советника Шренкова, талантливо излагавшего все то, что могло «считаться необходимым офицеру генерального штаба для лучшего понимания рельефа местности и особенно работ при составлении военных обзоров разных пространств».

Занятия по русскому языку были направлены «исключительно к приучению офицеров к правильному и точному изложению своих мыслей».

«Занятия иностранными языками составляли постоянно слабейшую сторону академического курса», обязательно было знание лишь одного из иностранных языков по выбору, большинство слушателей, в числе которых оказался Куропаткин, в качестве приоритетного отдавали предпочтение французскому языку. Принимая во внимание важное значение немецкого языка для академического офицера, особенно ввиду значительного объема на нем военной литературы, с 1873 года введены обязательные занятия и экзамены по немецкому языку. Независимо от изучения французского и немецкого языков для желающих офицеров определили дополнительное внеклассное учебное время для занятий по английскому языку.

К числу занятий, обязательных для академических офицеров, введено обучение верховой езде, на каждого слушателя за время его двухлетнего пребывания в академии приходилось от 140 до 170 занятий; контроль за аккуратным посещением уроков в манеже осуществлялся строгий, вплоть до решения о том, что слушателей, «которые после двухлетнего пребывания в академии окажутся слабыми по езде по собственному нерадению, не допускать к переводу на службу в генеральный штаб».

Никакие лекции и классные занятия не могут заменить самостоятельной работы.

Стараниями начальника академии генерала Леонтьева приобрела законченный и совершенный вид обширная академическая библиотека, разделенная на отделы:

- военный, включавший сочинения по военной истории и военному искусству (стратегия, тактика, воинские уставы), военной администрации, артиллерии и инженерному искусству;
- политический, куда вошли книги по политическим и юридическим наукам;
- литературы и философии;
- математических и естественных наук;
- дополнительный, включавший словари, энциклопедии и периодические издания;
- карты, планы, чертежи и рисунки.

Во время обучения Куропаткина в 1873 году библиотека Николаевской Академии генерального штаба насчитывала не менее 40 тысяч томов на русском и иностранных языках, из них только по военному отделу – 4060.

При библиотеке имелся читальный зал, открытый для слушателей с 10 до 15 часов. Читальный зал библиотеки станет местом постоянного посещения штабс-капитана Куропаткина, его пространством, его кабинетом, его аудиторией, где преподавателями станут не профессора, вещающие с кафедры, а авторы монографий, учебно-практических пособий и энциклопедий.

Системно мыслящий, усидчивый, предельно организованный даже в мелочах слушатель Куропаткин последовательно отрабатывает каждый том, нередко выходя за рамки предмета исследования, расширяя тем самым эрудицию и компетенцию; содержание каждой книги применительно к изучаемым дисциплинам конспектирует осознанно и методологически выверенно, делает выписки в тетради по каждому из направлений военной науки. Кропотливая, изо дня в день самостоятельная работа позволит ему по итогам обучения опередить других офицеров – может быть, более способных и талантливых, но менее работоспособных и целеустремленных.

Позднее Куропаткин вспоминал о годах академической учебы: «В курсе нашем, мне кажется, было много лишнего. Был излишек и в различных отчетных и чертежных работах, требовавших много времени и по их многообразию мало поучительных. Бесполезен был курс геологии; слишком уж был он сжат. Что касается русского языка, то приходится признаться, что мы... недостаточно его усвоили. Даже окончив академию, приобретя навык быстро и связно излагать свои мысли, некоторые из нас делали серьезные грамматические ошибки...»

Завершающим был дополнительный курс Академии, продолжавшийся 8 месяцев. За это время самостоятельно в домашних условиях слушатели должны были исполнить три задачи: 1. по военной истории – устно; 2. по военному искусству – устно; 3. стратегическую задачу – письменно.

Особую сложность представляла стратегическая задача. Куропаткину досталась тема по наступательной операции корпуса войск в западной части Галиции. Требовалось составить военно-статистический очерк театра военных действий, приложить карту, составить план действий. Кроме стратегического и тактического разделов надлежало подробно разработать раздел административный: устройство тыла, этапных линий, продовольственной, артиллерийской, инженерной и санитарной частей с приложением схем и маршрутных описаний путей.

Главным недостатком обучения в академии Куропаткин считал отсутствие практических навыков управления войсками в звене «батальон – полк»: «Имея теоретическую практику по отношению как мелких, так и крупных войсковых частей до корпуса включительно, мы не имели никакой практики в поле по расстановке, например на бивуак, даже малых частей войск; не ставили на позиции войск, не совершали с ними маршей для практики по службе генерального штаба...

...пройдя курс академии, некоторые из нас мнили себя подготовленными распорядиться корпусами войск, а с ротой и с эскадром на практике справились бы плохо».

Академию генерального штаба Алексей Николаевич Куропаткин окончил первым в выпуске, произведен в чин капитана. Как пытливый и наблюдательный офицер с боевым опытом, обладающий блестящей памятью, умением четко и понятно излагать свои мысли устно и письменно, безукоризненным поведением и прилежанием, неплохим знанием французского, был замечен в центральном аппарате военной разведки – Военно-ученом комитете Главного штаба, где после непродолжительной оперативной подготовки получил ответственное индивидуальное задание: осуществить разведывательную миссию с целью изучения организации штабной службы, комплектования, вооружения, снабжения и особенностей тактических действий соединений французской армии в Алжире – на театре военных действий, сходном по природно-климатическим условиям со Среднеазиатским ТВД России.

Глава 4. Разведывательная миссия

После Академии генерального штаба Куропаткина тщательно и всесторонне «обкатывают», огранку природного алмаза в бриллиант проводят тщательно, делают это сознательно и на глубокую стратегическую перспективу, испытывая его возможности и способности в различных условиях оперативной обстановки, поручая персональные задания исключительной сложности и ответственности, сопряженные с риском для жизни.

Как лучший выпускник, он, по решению начальника Главного штаба Ф.Л. Гейдена, освобожден от обязательного четырехмесячного пребывания на войсковых маневрах при одном из российских военных округов и поощрен научной командировкой в средиземноморскую провинцию Франции – Алжир.

Научная командировка – это официальная версия.

На самом деле он выполняет разведывательное задание по сбору информации о современном состоянии французской армии.

Напомним, еще недавно, каких-то восемнадцать лет назад, французы в составе коалиции совместно с Британией, Османской империей и Сардинским королевством нанесли чувствительное поражение русской армии в Крымской войне. Поражения, тем более такие унижительные, не забываются никогда, а бывшему неистовому противнику, агрессору, проливавшему кровь русского офицера, солдата и матроса, – настоящим, без оговорок, СОЮЗНИКОМ, тем более боевым побратимом, не стать ни при каких обстоятельствах: генетическую память невозможно вытравить временными соглашениями о совместной деятельности и сиюминутным совпадением интересов политиков.

Сотрудничество между Россией и Францией по военной линии осуществлялось не от хорошей жизни и во многом объяснялось катастрофическим разгромом французской армии прусской армией под командованием фельдмаршала Мольтке в 1871 году – слабые и побитые, под угрозой очередного поражения ВЫНУЖДЕННО объединяли свои усилия против извечного общего геополитического противника в лице Германской империи.

Деньги в российских вооруженных силах считали всегда, не то что рубль, каждая копейка на счету. Денег как воздух не хватало хронически и десятилетиями на самое необходимое – постройку крепостей, обновление вооружения, обмундирование, провиант, фураж, содержание офицеров, не говоря уже о нижних чинах, поддержание в надлежащем состоянии фортификационных сооружений и казарменного фонда. Но деньги, и немалые, на дорогостоящую многомесячную заграничную командировку для лучшего выпускника Академии генштаба изыскали.

Поэтому дорогостоящий, экзотический зарубежный вояж прилежного и старательного, подающего надежды офицера с познавательными и разведывательными целями стоило воспринимать как солидный аванс на будущее: отрабатывай, не щадя сил и живота своего, вложенное в тебя государством за тринадцать лет бесплатной, за счет казны учебы в кадетском корпусе, военном училище и академии, сын безвестного провинциального капитана-топографа, – еще одно доказательство мудрой кадровой политики Российской империи, ПРОЕКЦИОННЫМ МЫШЛЕНИЕМ ее устроителей понимавшей, что здоровый импульс государственного развития дают только свежая кровь и здоровые амбиции отборных кандидатов из нижних этажей СТРАЖИ в ее верхние эшелоны.

Поэтому в аппарате военной разведки на Куропаткина сделали ставку отнюдь не случайно, хотя в итоге он оказался не единственным русским офицером, оказавшимся в те годы в расположении французской армии. Тогда же, в 1874 году, Главным штабом в Алжир направлен старший адъютант штаба Туркестанского военного округа подполковник Лев Феофилович Костенко, уже считавшийся опытным и успешным разведчиком, специализировав-

шимся исключительно на среднеазиатском регионе. С прекрасным военным образованием: Полтавский кадетский корпус, Константиновское военное училище и Николаевская Академия генерального штаба, которую он окончил в 1866 году, Костенко в общей сложности девять лет прослужил в Азии, участвовал в работах по военно-статистическому описанию территории Туркестанского военного округа, достойно и результативно выполнил разведывательную дипломатическую миссию в Бухарское ханство, участвовал в боевом Хивинском походе, кроме того, опубликовал восемь научных статей в «Военном сборнике» и две отдельные работы по проблемам расширения границ Российской империи на южном стратегическом направлении.

В июне 1874 года Куропаткин прибыл в Париж.

Париж 1870-е годы

Военный агент России во Франции Лев Александрович Фредерикс изложил Куропаткину более подробную, чем изучалось в академии, характеристику французской армии и ее колониальных войск, ориентировал об особенностях оперативной обстановки в Алжире, провел детальный и тщательный инструктаж по линии поведения и способах выполнения разведывательного задания, дабы исключить расшифровку перед французской военной контрразведкой с вытекающими последующими неприятными последствиями, дал перспективные наводки на некоторых офицеров французской армии для установления личных долговременных контактов и рекомендации по их закреплению.

Из дневников А.Н. Куропаткина:

«В Париже я подготовился к поездке в Алжирию, в чем мне очень помог бывший в то время нашим военным агентом подполковник барон Фредерикс. Он предоставил в мое распоряжение все находившиеся у него материалы по Алжирии, рекомендовал книги, которые мне надлежало прочесть, и давал мне газеты, в которых помещались дебаты в парламенте по алжирским делам...

В то же время в Париж приехал ненадолго генерал Кауфман. Он принял меня родственно и со своей стороны помог выполнению возложенного не меня поручения. Он наметил те вопросы по отношению к мусульманам Алжирии, которые были общими и для мусульман Туркестана. Кроме того, он дал мне рекомендательное письмо к генерал-губернатору Алжирии генералу Шанзи».

В резидентуре русской военной разведки в Париже Куропаткин под руководством Фредерикса тщательно готовился два с лишним месяца, отрабатывал военную литературу, совершенствовал знание французского языка, репетировал диалоги, намечал тематику разведпрогов и приемы сбора и выведывания интересующей информации, учился работать с шифрами.

Оговорка относительно «приехавшего ненадолго в Париж» Кауфмана заслуживает отдельного внимания. Случайно такие совпадения и якобы незапланированные, спонтанные встречи за рубежом бывают крайне редко, тем более что генерал-адъютант и инженер-генерал Константин Петрович Кауфман вот уже как семь лет командовал войсками Туркестанского военного округа и отвечал непосредственно на месте за всю среднеазиатскую политику России в регионе.

При этом Франция никак не являлась сферой его кураторства и компетенции.

Кауфман НАСТАВЛЯЛ по выполнению разведывательного задания не только Куропаткина, но и своего подчиненного по штабу Туркестанского военного округа Костенко, также направленного в Алжир.

Генералъ-маіоръ
Л. О. Костенко,
Т. XIII, стр. 217).

Что касается письма: дивизионный генерал Антуан Альфред Эжен Шанзи с 1873 года занимал пост генерал-губернатора Алжира, и рекомендательное письмо на его имя, врученное русскому капитану русским генерал-губернатором, если и вписывалось в логику совместного военного российско-французского сотрудничества, то никак не соответствовало должностной иерархии рекомендуемого офицера и адресата конфиденциального послания.

Понятно, что Куропаткин недоговаривает до конца и не раскрывает полностью в дневнике всех аспектов подготовки к командировке, в том числе и не подлежащих оглашению сведений в такой тонкой и чувствительной теме, как взаимодействие военных разведок государств-союзников. Скорее всего, Кауфман просил своего французского коллегу оказать помощь молодому русскому офицеру в передаче современного опыта ведения военных действий в условиях пустыни, уповая на то, что истинным противником России в Средней Азии были вовсе не эмираты и ханства, а Британская империя, которую французы ненавидели не меньше, чем Пруссию, всеми фибрами души, последовательно, люто и беспощадно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.